

K-14038

/220

П302542

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 220

СИСТЕМНОСТЬ В РОМАНСКИХ
И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

1 р. 20 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1981, № 220, 1—104.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

186

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
№ 220

**СИСТЕМНОСТЬ В РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКАХ**

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1981

Системность в романских и германских языках.—Вестн. Харьк. ун-та, № 220.— Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981.— 104 с.

Статьи вестника являются результатом исследований, проведенных с использованием традиционных методов, структурно-вероятностного анализа языка и экспериментов в преподавании иностранных языков в высшей и средней школе. Освещен широкий круг актуальных проблем в языкознании и методике преподавания иностранных языков.

Для специалистов.

Списки лит. в конце статей.

Редакционная коллегия: А. С. Калининко (отв. ред.), Ж. Е. Потапова (отв. секр.), Н. Н. Анятина, В. И. Безуглый, А. И. Дородных, Г. В. Ейгер, В. И. Каравашкин, С. Т. Навальная

Печатается по решению Ученого совета факультета иностранных языков (протокол № 4 от 21 декабря 1979 г.)

Адрес редакционной коллегии:

310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 40-14-04, 40-18-05

Редакция гуманитарной литературы

Н. Н. ГУЛЬ

О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ОШИБОК В РИТМИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ РУССКИМИ АНГЛИЙСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Ритмический акцент русских в английской речи принадлежит к трудно-устраняемым явлениям. Созданию эффективной методики обучения ритмическим средствам оформления английского высказывания должна быть предпослана психолингвистическая информация об особенностях оперирования ими в плане восприятия и в плане воспроизведения. В качестве метода исследования этих особенностей был выбран анализ ритмических ошибок русских в английской речи. Обработка материалов направленных экспериментов, составивших содержание этой статьи, предусматривала выявление: а) общих ошибок с уточнением параметров потенциальных трудностей в количестве ритмических групп, фразовом ударе, функционировании изохронности; б) индивидуальных ошибок с детализацией степени развитости чувства ритма.

Анализу были подвергнуты различные по психологической природе речевые материалы, такие как чтение вслух и свободное монологическое высказывание, причем во избежание лексических затруднений испытуемых предварительно знакомили с предлагаемыми текстами. Экспериментальная запись была сделана в 5, 8 и 10-х классах харьковских школ и на первом курсе английского отделения Харьковского госуниверситета; всего было получено 5 тыс. фонетических реализаций ритмических групп. Слуховой анализ по признаку правильности реализации фразового удара, проведенный совместно с информантом, показал, что фразовое ударение чаще всего ошибочно ставится русскими на глаголе to have, модальных глаголах, личных и притяжательных местоимениях. Союзы, предлоги (за исключением союзов as, that, которые почти всегда ударны) и артикли ударяются редко. Вероятно, это происходит не потому что русские учащиеся осознают их служебную функцию, а на основе их фонетических свойств «маленьких слов». Английское фразовое ударение однотипно реализуется русскими независимо от фонетического стиля и этапа обучения. Причины устойчивости этой группы ошибок следует искать в процессах смыслового и темпорального программирования русскими английского высказывания, так как по аналогии с особенностями фразового удара в русском языке, английские служебные слова получают фразовое ударение. Уровень реализации интерференции достигает, в

частности, для модальных глаголов 82, а глагола to have — 75%. Столь частые ошибки в употреблении фразового ударения свидетельствуют о необходимости специального обучения данной речевой операции в общей схеме порождения английского высказывания русскими. Эти же ошибки приводят к увеличению числа ритмических групп (см. таблицу; У-ударная группа, Б — безударная).

Этап обучения (класс)	Английские предложения	Нормативная ритмика	Ритм английской речи русских
5	He has brown eyes and a straight nose	ББУУББУУ	УУУУУБУУ
8	It was built five years ago	ББУУУБУ	УУУУУБУ
10	I want to make things which we can see and use	БУБУУБББУУ	УУБУУУУУУУ

Количество и структура ритмических моделей английской речи русских учащихся, как видно из таблицы, резко отличается от нормативной ритмики. С целью выяснения вопроса о коммуникативном эффекте, вызываемом этим нарушением, был проведен совместно с информантом смысловой анализ на уровне повествовательного предложения, структура которого является базальной смысловой единицей [3].

Как известно, процесс порождения высказывания требует выполнения целого ряда операций, таких как выбор слов, синтаксической структуры и т. д. Звуко-интонационное исполнение предложения обеспечивается фонетическим, в частности просодическим уровнем, особой функцией которого является участие в передаче смысла высказывания. Роль же ритмических средств в составе этого уровня во многом остается неясной. Рассмотрение этой роли приводит к следующим рассуждениям. Порождая высказывание, носитель английского языка устанавливает свой ритмический импульс, временной размер его автоматически избирается в зависимости от лингвистических (стиль, темп) и экстралингвистических условий. Ритмический импульс определяет временную траекторию для следования информации. Наиболее важные ее участки в английской речи имеют тенденцию следовать через равные промежутки времени. Есть основания полагать, что информативность слова в английском предложении прямо пропорциональна ударению [6]. Поэтому, если при порождении английского высказывания наиболее информативные слова программируются с фразовым ударением, повторяющимся через приблизительно равные промежутки времени, то «ключом» к восприятию этих предложений будет ритмический импульс, устанавливающийся в самом начале восприятия. Этот импульс заставляет слушающего ожидать наиболее информативные участки высказывания [7]. Таким образом создается особая структурность

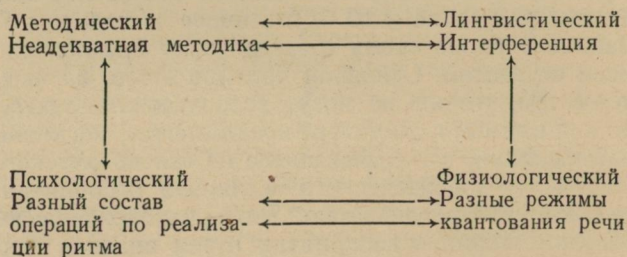
восприятия. Русские обучаемые формируют английское высказывание на ритмической основе русской речи, для которой характерно большее количество фразовых ударений и неравномерность их следования. В результате появляется сильный ритмический акцент, с выраженным эффектом развертки, влияющим на информационную структуру высказывания. Информант вслух описал трудности восприятия каждого из 200 проанализированных предложений. Рассмотрим одно из них: *We are leaving our coats and hats in the cloakroom*. Фонограмма показала, что фразовое ударение получили все слова, за исключением артиклей, изохронность интервалов не выражена, имела место неожиданная пауза в середине ритмической группы *coats and hats*. Использование русских речевых операций приводит к затруднениям при восприятии таких предложений, вследствие чего рецептивная деятельность информанта переходит в план объективизации и становится предметом анализа [1]. Информант пытается оценить входящую информацию на основе установления ритмической пульсации, и опаздывающие сильно-ударные (традиционно-безударные) формы воспринимаются как неправильно ритмированные и «исправляются» при принятии лингвистического решения. Процесс исправления идет путем реструктурирования предложения на основе анализа сильных сигналов других уровней: семантического, синтаксического и др. Такое многоуровневое компенсирование недостающего полезного признака сообщения — адекватной ритмики — снижает успешность речевой реализации.

Целью следующего эксперимента было выяснение особенностей восприятия русскими двух английских предложений (*We are going to shop for boxes. You can buy them at the market*), предъявляемых информантом в быстром и медленном темпе. Из общего числа 50 студентов, у 33 отмечено непонимание предложения, предъявленного в быстром темпе, у 10 — частичное и только у 7 — полное понимание. В то же время «развернутые» предложения были понятны всем студентам. Основная причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что они не могут воспользоваться ритмической пульсацией как ключом к структуре предложения, поскольку внутренние представления, складывающиеся на основе русского, близкого к послоговому просодического механизма восприятия, не совпадают со слышимой реальностью. Это предположение не противоречит выводам теории о восприятии путем анализа через синез [4].

Результаты тестирования подтвердили отсутствие у студентов при восприятии английского предложения установки, создающей ожидание пульсирующего фразового ударения. Им было предложено проставить по слуху фразовые ударения в 10 английских предложениях. В группе из 50 студентов из 34 реализованных ударений правильно указаны 23—24, причем все на разных знаменательных словах. Это свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии указанной установки.

В другом эксперименте проверялась способность к имитации ритмических групп с различным слоговым составом: a good book; not so fast; I'd like you to; the train is very late, a story. 70% обследуемых не выдерживали изохронные интервалы, обнаруживая особые затруднения при имитации групп типа УУ без безударных слогов в интервале и с большим количеством безударных слогов типа БУБББУ, а также неспособность перераспределить временные характеристики по акцентным единицам в зависимости от их сегментного состава. Более успешно имитируются группы с одним и двумя безударными слогами. Модели, начинающиеся с ударного слога типа УБУ, передаются хуже, чем модели БУ.

Хорошо передают моторную ритмику (стук, хлопок) около 80% обследованных студентов, 15% невосприимчивы к ритму, а 5% испытывают затруднение при передаче сложных ритмов. Значительно снижается количество верных имитаций при воспроизведении английских речевых моделей голосом. Количество верных ответов снижается до 30—35%. Артикуляторные нервные центры не могут перестроиться на ритм другой речи в течение нескольких имитаций. Стереотип временной организации высказываний устанавливается в детстве на основе возникновения устойчивых ассоциаций между слуховыми и мышечными ощущениями. При овладении же английской речью русские обучаемые должны научиться включать большую группу мышц органов речи в новом временном режиме артикуляционной программы. Сложность этой психо-физиологической задачи состоит в том, что переориентация любой мышечной деятельности на новый ритм может произойти только при условии воздействия на нервные окончания более высоких, по сравнению с ранее усвоенными, ритмических стимулов [5]. Создание таких стимулов возможно только в процессе специального обучения.

Таким образом, можно утверждать, что ритмические ошибки, принадлежащие к просодическому уровню внешней временной реализации речи, обладают сложной природой, в основе которой лежит взаимоотношение их физиологических, психологических, лингвистических и методических коррелятов (см. схему). Обладая, как и любая ошибка просодического уровня, кумулятивным характером, ритмические ошибки создают стойкий ритмический акцент, снижающий успешность речевой реализации. Поэтому уровень владения английской речью, в чем мы полностью согласны с Б. А. Бенедиктовым [2], необходимо оценивать и по качеству навыков ее ритмического оформления.

Список литературы: 1. Алхазисвили А. А. Психологические основы обучения устной иностранной речи.— Тбилиси: Ганатлеба, 1974.— 160 с. 2. Бенидиктов Б. А. Психология овладения иностранным языком.— Минск: Высшая школа, 1974.— 335 с. 3. Зимняя И. А. Речевой механизм в схеме порождения речи применительно к задачам обучения иностранному языку.— В кн.: Психоллингвистика и обучение русскому языку нерусских.— М.: Рус. язык, 1977.— 176 с. 4. Леонтьев А. А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания.— М.: Наука, 1969.— 307 с. 5. Ухтомский А. А. Избранные труды.— Л.: Наука, 1978.— 358 с. 6. Cutler A., Foss D. J. Role of sentence stress in sentence processing.— Language and Speech, 1977, vol. 20, p. 1—9. 7. Understanding language.— N. Y.; Ldn: Academic Press, 1975.— 439 p.

Поступила в редколлегию 10.10.79.

Р. Ф. ГУРАЛЬ

СМЫСЛОВАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваемый вопрос относится к области синтаксической омонимии, которая охватывает речевые произведения с недостаточно эксплицированными связями слов. Синтаксические омонимы попадают в поле зрения исследователя при описании синтаксической [2; 3] и интонационной [4] организации речи. Исчисление синтаксических построений, допускающих отношение зависимого слова более чем к одному «хозяину» производится при разработке программ автоматического анализа текста, необходимого, в частности, для машинного перевода [1]. Представляется несомненным, что изучение такого рода синтаксических образований имеет также методическое значение для обучения получению информации из текста, например, научнотехнического.

Предметом нашей работы являются лингвистический и методический аспекты установления смысловой соотнесенности постпозитивного определения в английском языке. Трудность представляют здесь случаи, когда перед постпозитивным определением стоит более чем одно существительное, что мы видим в следующих предложениях (приведенные в работе примеры взяты из статьи: Andersen C. A. The quality of X-ray microanalysis in the ultra-soft X-ray region.— British Journal of Applied Physics, 1967, vol. 18, № 8, p. 1033—1043).

I. The absolute detection limit is determined by the weight fraction detection sensitivity and the volume of material excited (p. 1035).

II. Spatial resolution is determined by the volume of the sample which, through excitation by the primary electron beam, contributes to the analysis (p. 1033).

Перед определениями (excited; which ... contributes to the analysis) стоит не по одному, а по два существительных (volume и material, volume и sample). Формально определение excited может относиться и к volume и к material, а определение which ... contributes to the analysis — и к volume и к sample. Здесь имеет место примерно то же положение как, скажем, в предложении *Роняет лес багряный свой убор*, в котором определение *багряный* по формальным признакам соединимо и с существительным *лес* (лес багряный) и с существительным *убор* (убор багряный). В приведен-

ных английских примерах имеет место синтаксическая омонимия на уровне словосочетаний, которая, как мы полагаем, может быть разрешена с помощью анализа словесного окружения рассматриваемых элементов, в большем или меньшем по объему контексте. Приведенные ниже примеры показывают, что в обоих случаях «хозяевами» определений являются первые существительные, а не вторые, т. е. *volume*, а не *material*, *volume*, а не *sample*.

1. a) The size of the excited volume is a function of the range of the primary electrons... (p. 1033).

b) The size of the excited analytical volume is a function of accelerating potential plays a dominant role in determining the number of grammes detectable, producing the result that the best absolute detection limits are also found at low values of the accelerating potential (p. 1037).

c) The first, the weight-fraction or relative detection limit, describes the smallest weight fraction of the analytical element detectable in the sample, irrespective of the volume which must be excited to achieve this limit (p. 1033).

2. At the accelerating voltage of 5 kV the volumes contributing to the analysis of Zn and Na as well as all the lighter element will be about $2 \mu\text{m}^3$ (p. 1035).

Имеются случаи, когда в качестве возможных «хозяев» постпозитивного определения выступают три существительных, с чем мы сталкиваемся в следующем примере:

III. The efficiency of production of characteristic X-ray line is proportional to the difference between the accelerating potential and the critical excitation potential of the line raised to an exponential power of about 1.6.... (p. 1035).

Число возможных «хозяев» слова *raised* здесь больше чем в предыдущих случаях, это — *difference*, *potential*, *line*. По формальным признакам возможно объединение причастия (определения) *raised* с любым из этих существительных. Но снова обратимся к анализу словесного окружения рассматриваемого определения, для чего продолжим предложение III: The efficiency of production of a characteristic X-ray line is proportional to the difference between the accelerating potential and the critical excitation potential of the line raised to an exponential power of about 1.6, while the efficiency of production of the background is proportional to the same difference raised to the power 1.0 (p. 1035).

Здесь окружение причастия *raised* как бы скомпрессировано, и это слово оказалось рядом с *difference* (*difference raised*) и вне всякого сомнения, сочетается с ним и только с ним. А это, в свою очередь, дает нам основание говорить, что в начале предложения — связь тех же компонентов, но расположенных дистантно.

В примерах I, II, III для установления смысловой соотнесенности определений мы проводили анализ их контекстуального окружения, причем этот анализ — двоякого вида. В примере III анализ осуществляется в пределах одного предложения, в примерах I, II —

на текстовом материале абзаца, страницы, нескольких страниц статьи, т. е. в очень широком контексте.

Таким образом, вопрос об установлении смысловой соотнесенности определения в рассматриваемых случаях находит контекстуальное разрешение.

Перейдем теперь к методическому аспекту рассматриваемого явления.

Чтобы получить адекватную информацию из предложения, студент должен уметь разобраться в смысловой соотнесенности входящих в него слов, в том числе определений, так как научно-техническая литература на английском языке изобилует случаями, подобными примерам I, II, III. В методическом плане рассматриваемая проблема может быть сформулирована следующим образом: 1) показать студенту, что постпозитивное определение не обязательно соотносится с последним существительным, дать студентам определенные знания о сочетаемости постпозитивного определения; 2) сформировать у студентов необходимые навыки установления смысловой соотнесенности определения. И то и другое можно осуществить на основе выполнения достаточного количества упражнений определенного типа, подсказываемых процедурой выполненного выше контекстуального анализа. На наш взгляд, это должны быть упражнения на анализ и перевод пар предложений: в первом предложении соотнесенность определений неясна, во втором она четко представлена (примеры I и 1a; I и 1b; I и 1c).

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы: 1. В научных текстах по физике довольно широко представлены случаи с недостаточно эксплицированной смысловой соотнесенностью определений. 2. Смысловая соотнесенность определений раскрывается при помощи анализа микро- и макроконтекста. 3. Контекстуальный анализ является основой для разработки упражнений по формированию у студентов необходимых навыков установления смысловой соотнесенности определений.

Список литературы: 1. Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза). — Информационный анализ. Научно-техническая информация. Серия 2, 1967, № 5, с. 9—11. 2. Kooij J. G. Ambiguity in natural language: An investigation of certain problems in its linguistic description. — Amsterdam; London, 1971, p. 3—115. 3. Lees R. B. A multiply ambiguous adjectival construction in English. — Language, 1960, vol. 36, № 2, pt 1, p. 212—221. 4. Vassilyev V. A. English phonetics: A theoretical course. — М: Higher School, 1970, p. 287—320.

Поступила в редколлегию 28.09.79.

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СРЕДСТВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В СИТУАЦИИ «ПРОСЬБА О РАЗРЕШЕНИИ»

В одной из наших статей мы уже пытались показать тесную связь между языковыми явлениями и социальными факторами [1]. Исследования отечественных и зарубежных лингвистов позволяют все с большей степенью уверен-

ности утверждать, что так называемые свободные варианты, которые обнаруживаются при изучении отношений каких-либо элементов внутри самой языковой системы, часто являются социально обусловленными вариантами [3].

В работе [5] Дж. Лич пишет, что, несмотря на правила, предписывающие употребление только модального глагола *may* в вопросах-просьбах о разрешении, *can* употребляется в этой роли в разговорном английском гораздо чаще, чем предполагают пуристы (имеется в виду британский вариант английского языка). С другой стороны, пишет Лич, *can* избегают употреблять в официальных ситуациях и в вежливых просьбах (и в письменной, и в устной английской речи), потому что *may* воспринимается как более уважительная форма. По Личу, в разговорном английском различия между значениями *can* и *may* можно пренебречь [5, p. 70], а в официальных же ситуациях рекомендуется употреблять *may* как более престижную или более вежливую форму.

О конкуренции глаголов *can* и *may* в значении «разрешение» свидетельствует и наше исследование, посвященное глагольным средствам выражения модальных значений в английском языке [2]. Оно также показало, что в газетных текстах в вопросах, выражающих просьбу, употреблялся только модальный глагол *may*, тогда как в устных ответах информантов встречаются и *may* и *can*. Задача дать объяснение полученных результатов в упомянутой работе не ставилась.

В этой статье мы попытаемся использовать данные предшествующих работ, а также изучить факторы, обуславливающие появление разных форм, выражающих просьбу о разрешении.

Одним из самых сильных социальных признаков,* влияющих на использование языковых вариантов, является, по свидетельству многих исследователей, социальная роль. Поэтому для рассмотрения языковых средств, используемых в просьбах о разрешении, информантам предлагали две ситуации: в первой информант у равного себе, у друга, одалживал ручку или карандаш, во второй просил разрешения у своего начальника воспользоваться телефоном в его кабинете. Первая ситуация мыслилась как совершенно непринужденная. Во второй достаточная степень официальности достигалась не всегда, так как начальник информанта мог оказаться одновременно его близким другом, и тогда просьба мало отличалась от фамильярных форм, свойственных первой ситуации, например: *Let's use your phone*. Эти отклонения нетрудно контролировать: если начальник является другом, просящий нередко называет его по имени *Could I use your telephone, Pete?* И напротив, некоторые информанты говорили, что просто не решились бы попросить у начальника разрешения воспользоваться телефоном. В большинстве случаев в первой ситуации просьба имела непринужденную форму, а во второй — официальную.

В данной статье рассматриваются результаты опроса 70 англичан и 24 американцев. Ответы информантов, вернее, их реакции приведены в таблицах.

Ситуация I. *Your pen has run out of ink and you ask your friend for a pen.*

По данной ситуации (табл. 1) от англичан получено 70 ответов, от американцев — 26. (Здесь и в табл. 2, 3 в числителе даны абсолютные значения, в знаменателе — проценты). Несоответствие между количеством опрошенных и количеством ответов объясняет-

ся тем, что один информант мог дать несколько ответов, а также тем, что некоторые информанты затруднялись дать ответ.

Среди «прочих форм» у англичан находим четыре просьбы, замаскированные под вопрос типа Have you got a pen?, четыре просьбы с *would* (*Would you lend me your pen, please?*), остальные приводим: *Is it all right if I use your pen? Will you please lend me your pen? I'd like to borrow your pen.*

У американцев в числе «прочих форм» встретилось три вопроса типа *Do you have an extra pen I could borrow/for me?* а также *Would it be all right if I used your pen?*

Ситуация II (табл. 2). *You are in your boss' office. Ask permission to use his telephone.*

Среди «прочих форм» у англичан были вопросы типа *Do/ would you mind if I use / used the phone (please)?* или *Is it O. K. /all right if I use / for me to use the phone?* — всего 11. Один информант употребил *Do you think I could use your phone for a moment? другой — Do you think I could use your telephone, please?* Хотя последние предложения и содержат *could*, данный модальный глагол употреблен здесь не в прямых вопросах, поэтому он не включен в восемь вопросов, содержащих *could* в табл. 2. Остальные варианты даем списком: *Would it be alright if I could make a phone call from your office? Would you please allow me to use your telephone? Would it be inconvenient if I use your phone? I have to make a phone call, would it be possible to use your telephone? Do you think it'd be pos-*

Таблица 1

Форма	Англичане	Американцы
Can	16/22,9	6/23,1
Could *	12/17,1	2/7,7
May	25/35,7	9/34,6
Might	—/—	—/—
Глагол в повелительном наклонении	6/8,6	4/15,4
Прочие формы	11/15,7	5/19,2
Всего	70/100	26/100

* Вместо *Can/could I borrow your pen?* было по одному случаю *Can/ could you lend me your pen?*

Таблица 2

Форма	Англичане	Американцы
Can	8/12,30	1/4,35
Could	8/12,30	3/13,04
May	27/41,54	13/56,52
Might *	1/1,53	—/—
Глагол в повелительном наклонении **	1/1,53	—/—
Прочие формы	20/30,80	6/26,09
Всего	65/100	23/100

* *Might* употреблено не в прямом вопросе: *I'm sorry, but I wonder if I might use your phone...?*

** Хотя глагол в предложении *Let's use your phone* имеет форму повелительного наклонения, значение глагола *let* исключает истолкование данного высказывания как повеления, несмотря на то, что лексическое значение *let* «разрешите» здесь ослаблено. Ч. Фриз пишет, что для толкования *let's* уже не имеет значения то, что исторически это сокращенная форма *let us*. В современном английском языке *let's* служит для того, чтобы обычное повелительное предложение превратить в просьбу или приглашение совершить действие вместе с говорящим [4, p. 103].

sible if I could just use your phone a minute? Would you kindly let me use your phone? Excuse me, I wonder if you'd mind my using your telephone for a minute, mine's out of action.

Приводим также ответы американцев: Is it O. K. if I use your phone? Is it all right with you if I make a local call? Professor Shaw, I've lost my pen. Do you think I could use yours for a second? Do you mind if I use your phone for a minute? Would you mind if I use the phone?

Как видно из табл. 1, 2, в первой ситуации ролевые отношения «приятель — приятель» действительно подразумевают непринужденность обстановки. Здесь *can* и *could* вместе взятые употребляются приблизительно наравне с *may* (у представителей британского варианта доля *can* и *could* слегка выше, а у американцев ниже, по сравнению с *may*). Данные табл. 2 согласуются с утверждением Дж. Лича о том, что в официальной обстановке преобладают просьбы с модальным глаголом *may* (по сравнению с *can*). Следует обратить внимание на то, что даже в неофициальной обстановке *can* нередко употребляется в форме сослагательного наклонения, которая является более вежливой. (Дж. Лич пишет, что *could* и *might* часто употребляются как более вежливые по сравнению с *can* и *may* формы в вопросах-просьбах с первым лицом [5, p. 119]. В нашем эксперименте форма *might* в таких вопросах не встретилась). Даже если бы мы не знали о том, что *could* более вежливая форма, к такому выводу нетрудно прийти, сравнивая процентное соотношение *can* и *could* в ответах информантов по двум ситуациям. Если в первой доля *could* в ответах англичан немного меньше, чем доля *can*, а у американцев она меньше в три раза, то во второй в ответах англичан доли *can* и *could* равны, а в ответах американцев доля *could* в три раза превышает долю *can*.

Примечательно, что в первой ситуации информанты в некоторых случаях употребляли повелительные предложения вплоть до небрежного *Gimme!* Во второй (даже там, где отношения «начальник — подчиненный» нейтрализовались отношениями «приятель — приятель») повелительное предложение встретилось всего лишь раз, к тому же оно не может быть интерпретировано иначе, чем просьба.

Различия в ответах по двум ситуациям прослеживаются и в просьбах, содержащих «прочие формы». Прежде всего, во второй ситуации «прочих форм» заметно больше, особенно у англичан. Есть и качественные различия. Например, в первой ситуации встречается *I'd like to borrow your pen*, тогда как во второй подобные высказывания отсутствуют.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что иногда различия в ответах зависят не от социальных ролей, а от специфики самих ситуаций. Например, вопрос *Have you got a pen?* вполне естественный для первой ситуации, неприемлем во второй, где он звучал бы просто глупо. Далее, в первой ситуации встречались вопросы типа *Can you lend me a pen?* в отличие от более частых *Can I borrow /*

use your pen? Во второй—вопросов с местоимением you, содержащих can или could, не зафиксировано.

Иногда для выяснения тенденций к употреблению тех или иных форм изучают и сравнивают речь представителей младшего и старшего поколений. В нашем случае такая возможность была невелика, так как, например, из семидесяти информантов-англичан только девять были в возрасте тридцати и более лет, старше сорока — всего четверо. Тем не менее, мы сравнили ответы информантов тридцати лет и старше с ответами более молодых (только англичан, как более многочисленной группы).

Хотя, повторяем, результаты сравнения не могут отражать действительного соотношения встречаемости can и could, с одной стороны, и may — с другой, все же симптоматично, что в обеих ситуациях доля may значительно выше у информантов тридцати лет и старше. Кроме того, can у этих информантов исчезает во второй ситуации и остается более вежливая форма — could.

Таким образом, исследование подтверждает наблюдения Дж. Лича и других лингвистов относительно преимущественного употребления may в более официальных ситуациях. Вызывает некоторое сомнение утверждение Лича о нормативности may и ненормативности can в вопросах-просьбах о разрешении

[4, р. 70]. Правда, он этих терминов не употребляет, называя глагол may «более respectable формой». Имплицитно же речь идет о нормативности и ненормативности. Среди наших информантов большинство были люди с высшим и незаконченным высшим образованием, и в их ответах встречаются обе формы, а это, по-видимому, говорит в пользу нормативности can наряду с may.

Но can и may нельзя назвать свободными вариантами, ибо в таком случае пришлось бы говорить о стирании различий в их значениях. Нам представляется возможным предположить, что частоты появления can и may в двух ситуациях нашего эксперимента и других сходных ситуациях отличаются именно в силу различия их значений. Несколько перефразируя высказывание Лича, можно, вероятно, утверждать, что более общее значение глагола can «вам

Таблица 3

Форма	Возраст информантов	
	до 30 лет	30 лет и старше
Ситуация I		
Can	15/24,6	1/11,1
Could	11/18	1/11,1
May	21/31,4	4/44,5
Might	—/—	—/—
Глагол в повелительном наклонении	4/6,6	2/22,2
Прочие формы	10/16,4	1/11,1
Всего	61/100	9/100
Ситуация II		
Can	8/14,3	—/—
Could	7/12,5	1/11,1
May	21/37,5	6/66,7
Might	1/1,8	—/—
Глагол в повелительном наклонении	—/—	1/11,1
Прочие формы	19/33,9	1/11,1
Всего	56/100	9/100

разрешается» по сравнению с более конкретным значением глагола тау «я вам разрешаю» как раз и определяет его более высокую частотность в тех ситуациях, где социальные роли участников являются равноценными. Употребляя глагол тау, говорящий как бы ставит себя на ступеньку ниже, что больше соответствует другим ситуациям, например ситуации «подчиненный — начальник» в нашем эксперименте.

Даже довольно четко обозначенные ситуации, которые были предъявлены нашим информантам, не позволяют ожидать однотипных реакций. В обоих случаях реакции информантов распределяются по шкале от самых фамильярных, иногда даже звучащих грубо вне контекста отношений между информантом и его приятелем или начальником, до самых вежливых. Ср.:

Ситуация I. a) Gimme! b) Please, would you lend me your pen?

Ситуация II. a) Let's use your phone. b) Excuse me, I wonder if you'd mind my using your telephone a minute, mine's out of action.

Использованные нами ситуации не дают возможности целиком заполнить диапазоны выражения просьб, адресованных приятелю или начальнику, с целью получить сам предмет или разрешение воспользоваться этим предметом. Даже в пределах ролевых отношений «приятель — приятель» нам приходится облекать просьбу в более вежливые формы, когда, скажем, мы просим не ручку или карандаш, а разрешения воспользоваться автомобилем приятеля. Ср.:

Can I borrow your pen?

Nigel, do you think it'll be all light to borrow your car? I want to go to the town.

Приведем пример с ролевыми отношениями «жена — муж». Жена хочет, чтобы муж вынес мусор, что входит в его обязанности. Она говорит: Norman, look! The garbage is still here. It's Tuesday. Oh, Jees, are you going to leave it with us again? В другой ситуации эта же женщина просит мужа сменить пластинку на проигрывателе (возможно ей лень сделать это самой, возможно, она занята в это время шитьем). Она говорит: Norman, will you change the record, please?

Информанты указывали также, да и мы сами убедились в этом в процессе эксперимента, что форма, в которую облекается просьба, часто зависит и от таких факторов, как наличие или дефицит времени, степень опасности и т. д. Например, в начале одного интервью магнитофон был включен до того, как информанты четко поняли; что от них требуется. Дальнейшее их поведение исключало мысль об их грубости. Вот как они одновременно реагировали на преждевременное включение магнитофона: Она: Wait, wait, you've got to give us a situation first. Он: Wait a minute. What've we got to talk about? Роли участников в данной ситуации были не совсем определенными. Экспериментатор за несколько часов до интервью выступал в роли гида, его информанты были туристами. В этом случае можно ожидать переключения на официальные формы.

В свете изложенного становится ясным, что результаты нашего эксперимента могут быть началом более полного изучения форм, выражающих в английском языке просьбы, инструкции, команды и т. д., что потребует разработки целой серии ситуаций с четко обозначенными ролями участников. В этом направлении мы намечаем проводить свои дальнейшие исследования.

Список литературы: 1. Дородных А. И. О некоторых особенностях употребления форм повелительного наклонения в английском и русском языках.— Вестн. Харьк. ун-та, 1979, № 185. Иностр. языки, вып. 12, с. 15—18. 2. Дородных А. И. Вариативность глагольных средств выражения модальных значений в современном литературном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 23 с. 3. Новое в лингвистике. Вып. 7: Социоллингвистика.— М.: Прогресс, 1975. 486 с. 4. Fries Ch. The Structure of English.— N. Y.: Harcourt, Brace & World, 1952.— 304 p. 5. Leech G. N. Meaning and the English verb.— Ldn: Longman, 1971.— 129 p.

Поступила в редколлегию 01.10.79.

А. С. КАЛИНИЧЕНКО, М. Д. ЛЕВИНА, канд. пед. наук,
А. Б. ЮДИС, канд. пед. наук

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРОВ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ

Усвоение учебного материала происходит на разных уровнях: его можно опознать, самостоятельно воспроизвести по памяти, выполнить целый ряд операций с ним. Каждое из этих действий отражает качественное своеобразие усвоения.

Существующая методическая типология умений [см., напр., 5; 3; 7] выделяет четыре уровня усвоения иностранного языка: узнавание, воспроизведение, продуктивное использование, трансформация (преобразование). Они составляют иерархию, которая характеризует последовательность приобретения опыта и меру овладения предметом.

В процессе проверки уровня владения иностранным языком на первый план выступает операционная, практическая сторона. В связи с этим появляется необходимость выявить количественные и качественные особенности сформированного умения, что обеспечивается тестированием.

Тесты имеют ряд несомненных преимуществ перед традиционной методикой контроля: их построение обеспечивает однозначность оценки, они экономят время на выполнение задания, позволяют при помощи сравнительно простого математического аппарата обработать результаты опроса и оценить ответы учащихся. Поэтому в практике обучения иностранным языкам тестирование находит широкое распространение.

Как известно, основными параметрами тестов в соответствии с существующими в современной тестологии [1; 2; 4; 6; 8; 9] и практике тестирования положениями являются надежность и действенность.

Надежность — широкое понятие, включающее и такие характеристики, как внутреннее постоянство теста и стабильность результатов тестирования. Каждый из этих параметров имеет свои специфические особенности. Однако суть определения надежности теста состоит в вычислении коэффициента корреляции между двумя рядами измерений с помощью одного и того же теста или его анало-

гичных форм. Какая-то часть теста измеряет не те знания или навыки, которые измеряют его другие части, либо содержит недостаточное количество контрольных вопросов и не является поэтому репрезентативной. Способом определения стабильности результатов — весьма существенной характеристики внутреннего постоянства теста, а значит и его надежности, — является повторное применение одного и того же тестового задания или его параллельного варианта.

Период времени между первым и вторым тестированием не должен быть очень велик. Вычисленный коэффициент корреляции, который в данном случае называется коэффициентом стабильности, характеризует один из видов надежности — стабильность результатов. Этот метод не лишен недостатков. Во-первых, не всегда можно обеспечить идентичные условия для обоих тестирований, во-вторых, трудно точно определить период времени, необходимый между первым и вторым тестированием.

Наиболее рациональным способом определения надежности теста является метод эквивалентных форм. Суть его состоит в том, что одновременно подготавливают два теста, одинаковые и по степени трудности и по числу заданий (они не идентичны, но вполне взаимозаменяемы). Оба теста предлагают одной и той же группе учащихся, результаты подсчитывают по каждому тесту отдельно, вычисляют коэффициент корреляции между полученными двумя рядами измерений, который в данном случае называется коэффициентом эквивалентности. Чем он больше, тем равноценнее обе параллельные формы и более надежен весь тест. Если все вопросы теста одинаковы по трудности (например, словарный тест), подсчет результатов ведется по четным и нечетным вопросам. Вычисленный коэффициент корреляции показывает надежность каждого из двух субтестов.

Для экспериментальной проверки теста на владение герундием группе студентов УЗПИ из 19 человек был предложен тест, включавший 60 примеров. Задание было разделено на два субтеста — четные и нечетные примеры. При проверке подсчитали количество правильных ответов по четным и нечетным примерам. Коэффициент надежности определяли по формуле [10]

$$V = (N \sum xy - \sum x \sum y) / \sqrt{[N \sum x^2 - (\sum x)^2][N \sum y^2 - (\sum y)^2]}.$$

В приведенном выражении суммирование ведется по N студентам группы, участвующим в выполнении тестового задания; V — коэффициент корреляции; N — количество испытуемых; x — количество правильных ответов по четным примерам; y — количество правильных ответов по нечетным примерам. Найденный коэффициент $V = 0,9$. Тест на владение герундием проверяли также по параллельному варианту. Коэффициент надежности оказался в пределах допустимого (0,69).

Экспериментальная проверка теста «Временные формы глагола в Aktiv и Passiv» (немецкий язык) проводилась в четырех группах (по 12 человек). Все студенты выполнили два параллельных варианта

теста. Используя приведенную выше формулу, мы получили следующие значения коэффициента надежности: по 1-й группе 0,915; по 2-й — 0,9723; по 3-й — 0,9439; по 4-й — 0,9545. Анализ результатов показал надежность теста, включающую характеристику его внутреннего постоянства.

Тест является действенным, если он правильно сориентирован на объект тестирования и пригоден для измерения тех или иных знаний и навыков. Показатель действенности свидетельствует о том, в какой мере контрольные вопросы, задания соответствуют содержанию контролируемого учебного материала. Естественно, коэффициент действенности будет наивысшим в том случае, когда ориентация теста оптимальна и он охватывает весь материал. В ХГУ действенность тестов множественного выбора на определение значения лексических единиц немецкого языка на I—II курсах обеспечивалась тем, что студентам систематически предлагали тесты, включающие лексические единицы, подлежащие усвоению.

Однако тесты, как правило, не могут отражать всего материала, который нужно проверить. Обычно выбирают вариант теста, передающий суть данного материала. В этом случае рекомендуется методика определения коэффициента соответствия результатов измерения с помощью данного теста результатам измерения той же величины, полученным одновременно другим способом. Коэффициент корреляции при этом является показателем действенности на одновременное соответствие, а значит и действенности теста по содержанию.

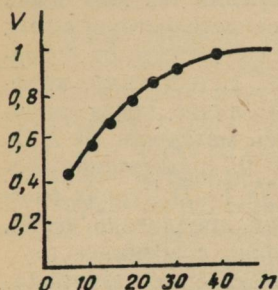
В УЗПИ 60 студентам был предложен тест по теме «Неличные формы глагола». Результаты тестирования сравнивали с результатами текущей успеваемости студентов по этой теме. Коэффициент корреляции (0,74) подтвердил действенность теста по содержанию, его адекватность сути проверяемого материала. В ХГУ такой же эксперимент был проведен по теме «Временные формы *Passiv* в современном немецком языке». Коэффициент корреляции (0,69) подтвердил действенность теста.

Действенность на соответствие через определенное время показывает соотношение между результатами теста и проведенными позже наблюдениями над применением проверяемых знаний (умений и навыков) в других условиях.

Разница между действенностью на одновременное соответствие и действенностью на соответствие через определенный промежуток времени заключается в том, что в первом случае результаты теста сравниваются с результатами одновременных наблюдений над практическим использованием знаний (умений и навыков), а во втором — результаты теста сравниваются с такими же наблюдениями, но выполненными через некоторое время. Для определения действенности тестов на соответствие через определенный промежуток времени целесообразно использовать преимущественно тесты, контролирующие второй — четвертый уровни усвоения знаний, т. е. умение воспроизвести, продуктивно использовать изученное и т. п.

Используя методику проб и ошибок, мы установили также зависимость коэффициента надежности V от количества предложенных заданий n (см. рисунок). Оптимальным можно считать тест, имеющий 30—40 вопросов.

Определение параметров характеристик тестовых заданий предполагает наличие надежной и универсальной методики оценки ответов. Она, по нашему мнению, должна быть такой: ответ неудовлетворительный, если $0 = n = K/2$ (если n больше или равно 0 и меньше или равно $K/2$); удовлетворительный, если $K/2 + 1 = n = 3K/4$; хороший, если $3K/4 + 1 = n = K - 1$; отличный, если $n = K$ где K — число контрольных вопросов; n — количество правильных ответов.

Формула $K_v = a/n$, предложенная В. П. Беспалько [1], удобна лишь для тестов, содержащих 10 заданий. В остальных случаях вычисление K_v усложняется и допускается, как правило, произвольное округление чисел.

С учетом зависимости коэффициента надежности от количества тестовых заданий нами составлена на основе предложенных выше критериев справочная таблица оценок, которая является необходимым для тестирования инвентарём.

Количество вопросов в тесте	Коэффициент надежности	Количество правильных ответов при оценке			
		«2»	«3»	«4»	«5»
20	0,75	0—10	11—15	16—19	20
21		0—10	11—15	16—20	21
22		0—11	12—16	17—21	22
23		0—11	12—17	18—22	23
24		0—12	13—18	19—23	24
25	0,81	0—12	13—19	20—24	25
26		0—13	14—19	20—25	26
27		0—13	14—20	21—26	27
28		0—14	15—21	22—27	28
29		0—14	15—22	23—28	29
30	0,90	0—15	16—22	23—29	30
31		0—15	16—23	24—30	31
32		0—16	17—24	25—31	32
33		0—16	17—24	25—32	33
34		0—17	18—25	26—33	34
35	0,95	0—17	18—26	27—34	35
36		0—18	19—27	28—35	36
37		0—18	19—27	28—36	37
38		0—19	20—28	29—37	38
39		0—19	20—29	30—38	39
40	0,97	0—20	21—30	31—39	40

Авторы, естественно, не ставили своей целью в рамках одной статьи дать полное освещение методики определения характеристик тестовых зада-

ний. Считая, что надежность тестов связана еще с целым рядом факторов, не учтенных в статье, авторы ставят своей дальнейшей задачей их исследование.

Список литературы: 1. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний. — Сов. педагогика, 1968, № 4, с. 52—70. 2. Беспалько В. П. Каковы наши принципиальные возможности. — Вестн. высш. школы, 1965, № 9, с. 46—50. 3. Гальперин П. Я. К теории программированного обучения : Материалы лекции, прочитанной на ф-те программ. обучения при Политехн. музее в 1966 г. — М.: Знание, 1967. — 44 с. 4. Дадыкина Н. А. К вопросу о некоторых характерных особенностях нестандартизированных тестов. — В кн.: Филология и методика преподавания германских и романских языков / Воронеж. ун-т. Воронеж, 1973, с. 145—156. 5. Леонтьев А. А. Иерархия речевых умений как объект тестирования. — В кн.: Психология и методика обучения второму языку / Моск. ун-т. М., 1969, с. 28—32. 6. Рапопорт И. А. Об использовании метода тестов при учете успеваемости школьников : Автореф. дис. канд. пед. наук. — М., 1972. — 17 с. 7. Талызина Н. Ф. Теоретические проблемы программированного обучения. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 133 с. 8. Цатурова И. А. Элементы тестирования в методике обучения чтению в технических вузах : Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Баку, 1971. — 21 с. 9. Юдис А. Б. Использование тестов для контроля умения студентов читать научно-техническую литературу : Дис. ... канд. пед. наук. — Киев, 1975. — 155 с. 10. Ebel R. Measuring educational achievement. — S. l., University New Jersey, 1965. — 584 p.

Поступила в редколлегию 18.09.79.

Ю. Ф. КРАСНИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Заметно выросший в последние годы интерес к сопоставительному изучению языков тем не менее пока не материализовался в достаточном количестве работ, имеющих теоретическое и методологическое значение для изучения и преподавания иностранных языков.

В работах контрастивного плана последних 10 лет обоснованы определенные положения, которые могут служить теоретической базой для практических исследований. Таковыми являются категории эквивалентности, тождества и сходства. Польская школа контрастивистов, например, успешно разрабатывает теорию эквивалентности, исходя из того, что «... эквивалентность является наиболее решающим критерием выбора отдельных конструкций с целью их сравнения. Чтобы убедиться в том, что определенные конструкции или системы сравнимы, нам необходимо установить эквивалентность их элементов, а затем провести их формальное сопоставление» [6, с. 36]. Одним из наиболее надежных критериев сопоставимости принято считать семантическую эквивалентность. Если сравниваемые явления или подсистемы отвечают этому критерию, то в этом случае констатируем отношение «корреляции, или соответствия» и «такие явления разных языков можно считать эквивалентами (коррелятами)» [5, с. 8].

При сопоставлении в разных языках грамматических категорий исследование может проводиться в двух основных аспектах — семасиологическом (от формы к значению) и ономасиологическом (от значения к форме). Наиболее эффективные результаты дает, как нам представляется, ономасиологическое сопоставление, потому что при сопоставительном исследовании очень важно не только выявить структурные сходжения и расхождения, но и проследить коммуникативные сходжения и расхождения, для чего необходимо оперировать совокупностью форм выражения данного значения [см. 2, с. 6]. Преимуществом ономасиологического подхода к сопоставлению является

также то, что при таком подходе «сравниваются средства разных уровней (фонетические, лексические, грамматические), способные выражать одно и то же значение» [1, с. 6], т. е. так называемые инкогерентные средства.

Возможность сопоставительного изучения средств будущего времени в немецком и русском языках вытекает из того, что оба языка обладают грамматической категорией времени, представленной в виде трехчленной оппозиции прошедшее — настоящее — будущее и отражающей определенные факты объективной действительности. При ономазиологическом подходе к сопоставительному изучению будущего времени в указанных языках в понятие *будущее время* вкладывается одинаковое содержание: отсутствие действия в момент речи и возможность (ожидаемость) наступления действия после момента речи [9, с. 103; 3, с. 334].

При сопоставительном изучении языковых систем на основе переводов большое значение имеет использование билатерального подхода, т. е. необходимо исследовать средства выражения футуральности как в переводе с немецкого на русский, так и с русского на немецкий. Важность и необходимость такого подхода заключается в том, что, во-первых, он позволяет проверить результаты исследования (употребительность тех или иных форм, их частотность и т. д.), а во-вторых, данная процедура позволяет обнаружить такие средства выражения, которые при одностороннем подходе обычно не принимаются во внимание (они будут приведены ниже); другими словами, билатеральный подход гарантирует более полный охват форм и конструкций, способных выражать определенное значение.

Нами был проанализирован фактический материал, почерпнутый из книги Д. Нолля «Приключения Вернера Хольта» и ее перевода на русский язык, а также книг Н. Островского «Как закалялась сталь» и А. Н. Толстого «Хлеб» и их перевода на немецкий язык. Будущие события описываются здесь в форме прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Анализ показал, что кроме парадигматических форм будущего времени для выражения футуральности используются и другие грамматические средства, которым, как правило, исследователи почти не уделяют внимания при описании форм будущего времени. Оказалось, что будущее время (в указанной сфере речевой деятельности) выражается следующими грамматическими формами и конструкциями:

Немецкий язык

1. Präsens	(P)
2. Futur I	(F I)
3. Präterit	(Pr)
4. Modalverb + Inf.	(MI)
5. Perfekt	(Pf)
6. Konditionalis I	(K I)
7. Infinitivkonstr. mit «zu»	(Inf)
8. Verb mit futur. Bedeut. + Inf	(V _f I)
9. Plusquamperfekt	(Pq)
10. Futur II	(F II)

Русский язык

1. Буд. вр. сов. вида	(Б _с)
2. Буд. вр. несов. вида	(Б _н)
3. Буд. вр. глаг. <i>быть</i>	(Б _а)
4. Наст. вр.	(Н)
5. Инф.	(И)
6. Мод. глаг. + инф.	(МИ)
7. Сослагат. накл.	(Сн)
8. Прощ. вр.	(П)
9. Глаг. со значением буд. + инф.	(Г _б И)

Формы конъюнктива мы здесь не приводим, поскольку в наших примерах они встречаются чрезвычайно редко.

Перечисленные выше грамматические формы и конструкции употребляются в значении будущего времени неодинаково: например, на Р и F I в немецкой художественной литературе приходится около 80% примеров, в то время как формы 7, 8, 9, 10 нам встретились лишь в переводах с русского языка на немецкий. То же самое можно сказать и о грамматических формах русского языка: более чем в 60% примеров, взятых из русских текстов, будущее время выражается формой Б_с (приведенная цифра является весьма приблизительной, ожидается, что она будет больше). Конструкции же 5, 6, 7, 9 выявлены нами только в результате анализа переводов с немецкого языка на русский. Приведем по одному такому примеру:

а) Он отчетливо сознавал, что... он, Артем, делает сейчас последний шаг к тому, что **согреет** и **осмыслит** его заскорузло-суровое существование (Н. Островский, с. 316).

б) Woltow hatte nur eine Sorge: «Wenn sie das Gepäck durchsuchen, sind die Pistolen hin!» (D. Noll, S. 94).

Es war ihm völlig klar, daß er im Begriff war, den letzten Schritt zu tun, **um** seinem harten kärglichen Dasein **Inhalt und Sinn zu geben** (N. Ostrowski, S. 422).

У Вольцова была одна забота: — Стоит им сунуть нос в наши вещи, и мы **можем проститься** с пистолетами (Д. Нолль, с. 106).

В примере «а» эквивалентом русской формы Б_с выступает немецкая конструкция *im...zu + Inf.*, которая в современном немецком языке довольно часто употребляется для обозначения последующих событий, причем значение цели может не выражаться [10, с. 122]; поэтому в определенных контекстах данная конструкция может использоваться для выражения будущего времени. В примере «б» будущее время в русском переводе передано формой M I (ниже мы остановимся на ней подробнее).

В данной статье предпринята попытка установить степень эквивалентности форм будущего времени в обоих языках. Поскольку анализируются переводы как с немецкого языка на русский, так и с русского на немецкий, мы ограничимся рассмотрением эквивалентов лишь ядерных форм микрополя будущего времени.

Ядро микрополя будущего времени в немецком языке образуют Präsens u Futur I. При анализе текстов с этими формами в их переводе на русский язык нами установлены такие соответствия: Р = Б_с, Б_н, Б_а, Н, M I, И, Г_с И, Сн, П; F I = Б_с, Б_н, Б_а, M I, И, Г_с И, Сн. Как видим, Р соответствуют 9, F I — 7 форм, причем и одному, и другому соответствуют в русском языке одинаковые формы, за исключением форм Н и П, которые не выступают в качестве эквивалента F I.

Ядро микрополя будущего времени в русском языке составляют формы Б_с, Б_н, а также Б_а. Они имеют следующие соответствия в немецком языке: Б_с = F I, Р, К I, M I, Pr, Pf, Inf; Б_н = F I, M I, К I, Р, Pr; Б_а = F I, Р, M I, K I.

Из этих схем видно, что каждая русская форма имеет несколько немецких соответствий, причем наибольшее количество эквивалентов имеет B_c . Эквиваленты B_a при этом являются общими для всех трех русских форм.

Согласно Т. Кжешовскому и В. Мартону, языковые конструкции делятся на конгруэнтные (при одинаковых элементах структуры в одинаковой последовательности их размещения) и эквивалентные (при аналогичном содержании отсутствует формальное сходство) [7, с. 37; 8, с. 55]. Кроме того, выделяют так называемые инкогерентные соответствия, если соответствие обнаруживается между единицами разных уровней, например грамматики и лексики [5, с. 9]. Если данную классификацию соответствий применить к формам будущего времени, то окажется, что каждая из ядерных форм микрополя будущего времени может иметь не более двух конгруэнтных форм (как правило, только одну). Что касается инкогерентных (разноуровневых) соответствий, то последние обнаружены нами пока лишь при переводе с немецкого на русский (см. таблицу).

Следует заметить, что на первоначальном этапе анализа мы относили соответствия $P, F I = G_6 I$ к эквивалентным, ориентируясь на общепринятую в русском языке семантическую классификацию глаголов, согласно которой глаголы типа *собираться*, *намереваться* и т. п. включаются в группу модальных глаголов, если они употребляются с инфинитивами [4, с. 70]. Однако дальнейший анализ показал, что инфинитивные конструкции с такими глаголами существенно отличаются от конструкций с собственно модальными глаголами, к которым мы относим лишь *хотеть*, *мочь/уметь*, *долженствовать*, т. е. основные эквиваленты немецких модальных глаголов. Это отличие мы видим в том, что если глаголы типа *собираться*, *думать* уже в своей семантике содержат указание на предстоящее, будущее действие, то модальные глаголы такого значения не имеют. Таким образом, футуральность в конструкциях $G_6 I$ создается не грамматической формой, а лексическим значением спрягаемого глагола, что дает основание соответствия $P, F I = G_6 I$ отнести к инкогерентным. Ср.:

‡ P : Ich bin adgehaun. Jetzt geh ich lange fort (D. Noll, S. 69).

$G_6 I$: Оттуда дал тягу. А теперь думаю исчезнуть надолго (Д. Нолль, с. 83)

$F I$...Unsere Wartezeit wird nur einen geringen Bruchteil der endlichen
‡ Wartezeit ausmachen (D. Noll, S. 45).

$G_6 I$: ...Нам предстоит ждать несравненно меньше (Д. Нолль, с. 60).
К инкогерентным мы относим также соответствие $P, F I$ -фразеологизм с футуральной семантикой:

Die große Wende wird schon kommen! (D. Noll, S. 129).

Да, но великий поворот не за горами! (Д. Нолль, с. 142).

Инкогерентные соответствия в наших примерах немногочисленны.

Остановимся, в заключение, на эквивалентных соответствиях. При анализе видим, что они распадаются на две подгруппы. В пер-

вую входят соответствия, которые образованы системными эквивалентами, способными выражать будущее время как вне контекста (F1, K1 и B_c, B_n, B_a), так и в футуральном контексте при переносном употреблении (P, P_г, P_г и П, Сн). Другими словами, эти формы, обнаруживающие сему футуральности на морфологическом уровне. В другую подгруппу входят соответствия, которые образованы формами, проявляющими эту сему лишь на синтаксическом уровне. К ним относятся модальные глаголы с инфинитивами и инфинитивы. В русском языке инфинитивные предложения широко применяются в разговорной речи для обозначения будущих событий: с оттенком долженствования и возможности или невозможности:

Мне с этим заданием не справиться = Я не справлюсь с этим заданием. В немецком языке также отмечается способность инфинитива I обозначать предстоящие, ожидаемые действия [10, с. 94, 122]. Модальные глаголы, не выражая сами по себе футуральности, в сочетании с инфинитивом способны представлять будущее действие: «Иногда особый характер будущего, проявляющийся в футуральной перспективе немецкого языка, проявляется настолько ярко, что он выступает в виде определенной

модальности; вместо неопределенного глагола werden в таких случаях употребляется модальный вспомогательный глагол» [11, с. 193]. Например:

Досыпать завтра будем, товарищи (Н. Островский, с. 119).
Morgen könnt ihr ausschlafen, Genossen (N. Ostrowski, S. 158).

Таким образом, исходя из сказанного выше, мы полагаем, что эквивалентные соответствия целесообразно разделить на: а) морфологические; б) синтаксические. Итоги проведенного анализа представлены в таблице.

Соответствия	Нем.— Рус.	Рус.— Нем.
Конгруэнтные	P = B _c , H F I = B _n	B _c = P; B _n = F I; B _a = Ø
Эквивалентные		
Морфологические	P = B _n , B _a , Сн, П F I = B _a , B _a , Сн	B = F I, K I, P _г , P _г B _n = P, P _г , K I B _a = P, F I, K I B _c = MI, Inf B _n , B _a = MI
Синтаксические	P = MI, И F I = MI, И	—
Инкогерентные	P, F I = Г _о И	—

Список литературы: 1. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. — М.: Рус. язык, 1975. — 280 с. 2. Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. — М.: Высш. школа, 1965. — 378 с. 3. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. 1. — М.: Госучпедиздат, 1961. — 432 с. 4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. 2. — М.: Госучпедиздат, 1961. — 344 с. 5. Жактенько Ю. О., Бублик В. Н. Контрастивная лингвистика: Проблемы и перспективы. — Мовознавство, 1976, № 4, с. 3—15. 6. Krzeszowski T. Fundamental principles of structural contrastive studies. — Glottodidactica, 1967, No 2, p. 33-39. 7. Krzeszowski T. Equivalence, congruence and deep structure. — In: Papers in contrastive linguistics / Cambridge University, 1971, p. 37-48. 8. Marton W. Equivalence and congruence in transforma-

tional contrastive studies.— *Studia Anglica Posnaniensia*, 1968, No 1, p. 53-62. 9. *Mockalckaja O. I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.— М.: Hochschule, 1971.— 384 S. 10. *Paul H.* Deutsche Grammatik, Bd 4.— Halle (Saale), 1958.— 425 S. 11. *Weber H.* Das Tempussystem des Deutschen und Französischen.— Bern.: Romanica Helvetica, 1954.— 275 S.

Поступила в редколлегию 26.12.79.

В. А. КУХТЕНКО, О. А. МИРОНОВ

СТИХОТВОРЕНИЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО «САДОК ВИШНЕВИЙ КОЛО ХАТИ...» В ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Среди французских переводчиков произведений Т. Г. Шевченко особенно популярным является стихотворение «Садок вишневый коло хати...» Известны пять переводов его на французский язык [см. 2, с. 6—11, 13, 14, 39], из которых первый сделан французским литературоведом, искусствоведом и переводчиком Эмилем Дюраном (1838—1903) [см. 1, с. 18; 6, с. 203; 10, с. 941], второй Фернаном Мазадом — французским поэтом-лириком (1863—1939) [см. 1, с. 62; 5, с. 313; 9, с. 2, 3].

В переводе Э. Дюрана это стихотворение Т. Г. Шевченко имеет такое звучание:

LE SOIR

Un jardin de cerisière entoure la maison;
Les hannetons bourdonnent au dessus des arbres;
Les laboureurs avec leurs charrues,
Les jeunes filles avec leurs chansons, rentrent,
Et les mères les attendent pour le souper.

La famille prend son repas autour de la maison;
A l'horizon brille l'aurore du soir.
La fille présente les mets du souper;
Sa mère lui vouerait donner des conseils;
Mais le rossignol l'en empêche.

La-mère, autour de la maison,
Acouché* les petits enfants;
Elle-même dort près d'eux,
Tout bruit s'éteint... seuls, la jeune fille.
Et le rossignol veillent encore [10, p. 941].

Как видим, перевод имеет название, что не адекватно** оригиналу, так как стихотворение Т. Г. Шевченко — триптих, в первой строфе которого дана сельская картина конца дня, во второй — вечера, а в третьей — ночи, в связи с чем оригинал и не имеет названия.

Архитектоника оригинала передана точно: количество строк оригинала и перевода идентично, нет нарушений в передаче последовательности составных частей оригинала.

* Опечатка; в данном случае следует читать а couché.

** Наше понимание терминов «адекватно», «неадекватно», «точно» и т. д. содержится в работах [3; 4].

Композиция стихотворения в переводе воспроизведена адекватно: без каких-либо нарушений взаимосвязи между отдельными компонентами последовательность его содержания передана в 13 строках (1—10-й, 13—15-й) эквилинеарно и только 11—12-й строках — в рамках двух строк.

Лексика оригинала насчитывает 56 слов, из которых переведено точно 30 (53,57%): *садок вишневым* — un jardin de cerisiers, *пугатари з пугами* — les laboureurs avec leurs charrues, *поклала мати* — la mère a couché, *тільки дівчата та соловейко* — seuls, la jeune fille et le rossignol и т. д.; адекватно — 6 (10,71%): *хата* (трижды) — la maison, *научати* — donner des conseils, *та* — mais, *заснула* — dort; адекватно интерпретированы — 15 (26,79%): *співають* — leurs chansons, *вечерять подає* — presente les mets du souper, *не затих* — veillent; неадекватно — 2 (3,57%): *коло* (дважды) — autour; *опущены* — 3 (5,36%), все существенные: *ідуци, а, своїх*. Итак, лексика оригинала переведена или интерпретирована точно или адекватно на 91,07%.

Лексика перевода насчитывает 72 слова, из которых точно передают лексику оригинала 34 (47,22%): les hannetons — *хрущі*, bourdonnent — *гудуть*, les jeunes filles — *дівчата*, elle-même — *сама*, près d'eux — *коло їх* и т. д.; адекватно — 7 (9,72%): la maison (трижды) — хата, donner des conseils — *научати*, mais — а, dort — *заснула*; адекватно интерпретируют — 20 (27,78%), prend son repas — *вечеря*, l'en empêche — *не дає* и т. д.; неадекватно — 2 (2,78%): autour (дважды) — *коло*; из введенной лексики 6 (8,33%) — адекватные: leurs — *своїми (пугами)*, les — *їх (ждуть)*, sa — *її (мати)*; lui — *її (научати)*, l'en empêche — *ей это мешает*. Из 72 слов перевода 67 (93,06%) соответствуют лексике, содержанию и духу оригинала.

Таким образом, лексика оригинала передана в переводе Э. Дюрана адекватно.

Морфологические особенности оригинала в переводе воспроизведены следующим образом: существительных в оригинале 19, в переводе 29, прилагательных — соответственно 3 и 3, местоимений — 4 и 12, глаголов — 17 и 14, наречий — 2 и 1, предлогов — 6 и 11, союзов — 3 и 3, частиц — 2 и 0. В отличие от оригинала в переводе большее количество местоимений и предлогов, что объясняется более частым употреблением во французском языке притяжательных местоимений-дополнений, а также предлогов в соответствующих конструкциях; отсутствие частиц объясняется тем, что переводчик передал антонимами l'en empêche и veillent фразеологизм оригинала *не дає* и сочетание *не затих*; разница в количестве наречий и глаголов несущественна; большое различие в количестве существительных не сказалось отрицательно на переводе, так как некоторые существительные адекватно заменяют глаголы (chansons — *співають*, le souper и les mets du souper — *вечерять*) или прилагательные (de cerisiers — *вишневым*), либо входят в состав выражений, адекватных оригиналу (prend son repas — *вечеря*, les mets du souper —

вечерять, donner des conseils — *научати*). Следует отметить, что в переводе допущено только три отклонения от грамматических форм лексики оригинала: действительный залог глагола *хоче* неадекватно передан условным *voudrait*, из-за чего само это действие в переводе явно не реализовано; глагол совершенного вида прошедшего времени *заснула* передан как *dort*, здесь уместно было бы употребить форму *s'est endormie*; множественное число — *тільки дівчата* передано единственным числом — *la jeune fille*, что не соответствует оригиналу и вообще несколько странно, так как одна девушка вряд ли будет ночью петь или разговаривать сама с собой. Особо следует отметить полное отсутствие в переводе ласкательно-уменьшительных именных форм, которых в оригинале 6 (*садок*, *зіронька*, *соловейко* (дважды), *маленьких діточок*), что делает перевод в этом отношении неадекватным оригиналу, так как полностью меняет модальность отношения поэта к изображаемым в стихотворении объектам. Таким образом, морфологические особенности оригинала в переводе Э. Дюрана переданы ослабленно адекватно.

Главные образы, которых в оригинале 10, Э. Дюран воспроизвел так: а) точно: центральный образ *хаты* (трижды) — *la maison*, образы *матерей, которые ждут ужинать* (*les mères les attendent pour le souper*), *соловья* (*le rossignol l'en empêche*); *матерей с детьми* (*la mère, autour de la maison acouché les petits enfants; elle-même dort près d'eux*); *тишины* (*tout bruit s'éteint*); б) почти точно: образы *садка*, ибо в переводе он *окружает дом* (*entoure la maison*); *людей, возвращающихся с поля домой*, ибо в переводе выпущен глагол *відуть*, *сім'ї*, но в переводе мать не *хоче*, а *хотела бы поучать* (*voudrait donner les conseils*); *вечірньої зіроньки*, ибо в переводе она не *встає*, а *светит* (*brille*); *дівчат і соловейка*, або вместо *дівчат* в переводе *дівчина* (*la jeune fille*). Следовательно, в общем, образы оригинала в переводе переданы почти точно.

Тропы и фигуры оригинала Э. Дюран воссоздал так: 9 анафорических синтактико-морфологических параллелизмов-существительных (*садок — хрущі — плугатарі — матері — сім'я, — зіронька, дочка — мати — соловейко*) он передал исключительно точно такими же параллелизмами (*un jardin — les hannetons — les laboureurs — les filles — les mères — la famille — la fille — mère — le rossignol — la mère — le rossignol*); из 4 строфических анафорических синтактико-морфологических параллелизмов-противопоставлений (*а матері — а мати — тай соловейко — та соловейко*) 3 воспроизведены точно (*et les mères — mais le rossignol — et le rossignol*); строфическая эпифора *коло хати* — точно (*entoure la maison, autour de la maison — дважды*); метафора *та соловейко не дає* — точно (*mais le rossignol l'en empêche*); зрительный антиклимакс передан почти точно (зрительных объектов в первой строфе оригинала 9, перевода — 11, во второй — соответственно 9 и 9, в третьей — 7 и 7); внутростроочный повтор *плугатарі з плугами* компенсирован межстроочным повтором (*les laboureurs avec leurs charrues — les jeunes filles avec leurs chansons*); хиазмы (*плугатарі з плугами*

йдуть; співають ідучи дівчата; затихло все, тільки дівчата та соловейко не затих), эллипсы (*садок вишневий коло хати; матері вчечерять ждуть; а мати хоче научати; так соловейко не дає*), климакс уменьшительно-ласкательных форм (*садок — зіронька й соловейко — маленьких діточок — соловейко*), а также инверсия (*садок вишневий*) остались не воспроизведенными. Таким образом, из 27 тропов и фигур оригинала Э. Дюран точно передал и компенсировал 21 (77,77%), что является частично адекватным оригиналу.

Синтаксическую структуру и построение предложений оригинала Э. Дюран воспроизвел адекватно: в оригинале 4, а в переводе 5 распространенных предложений, причем первое предложение перевода почти идентично оригиналу (1—5-я строки) и отличается от последнего переносом глагола *rentrent* в конец 4-й строки из-за потери глагола *йдуть*; второе предложение оригинала в переводе передано двумя (строки 6—7-я, 8—10-я); третье предложение передано почти идентично, так как переводчик по неизвестным причинам вынес в отдельный речевой такт существительное *la mèrè* и объединил третье предложение оригинала с первой частью четвертого (*затихло все — tout bruit s'éteint*); четвертое предложение переведено близко к тексту. Порядок слов в предложениях в основном определяется синтаксисом французского языка, но в некоторых случаях переводчик руководствовался и другими мотивами: например, в третьей строфе, очевидно не желая вводить лишнюю лексику в текст перевода, он устанавливает такой порядок слов в предложениях первой и второй строк, что эти строки становятся короче других, так как не содержат ничего другого, кроме того, что есть в оригинале.

Размер и ударения оригинала в переводе не отражены. Стихотворение Т. Г. Шевченко написано четырехстопным ямбом, число и место ударений обусловлены его лексикой, в переводе же ударения обусловлены тоже только его лексикой и поэтому расположены стихийно, из-за чего перевод не имеет никакого стихотворного размера и ритма. Поэтому в отношении размера и ударения перевод неадекватен оригиналу.

Ритмомелодика оригинала в переводе также не отражена: хотя общая мелодическая структура перевода адекватна оригиналу, что вытекает из сходства синтаксического строя двух языков, отсутствие же в переводе стихотворного размера делает его неадекватным оригиналу.

Рифмы и системы рифмовки перевод не имеет, и в этом отношении он тоже неадекватен оригиналу.

Идейно-тематически перевод Э. Дюрана идентичен стихотворению Т. Г. Шевченко.

Таким образом, Э. Дюран, первый французский переводчик стихотворения «Садок вишневий коло хати...», точно и адекватно передал идейно-тематическое содержание оригинала, некоторые его художественные особенности, но вовсе не воспроизвел специфические поэтические художественные особенности стихотворения

Т. Г. Шевченко, из-за чего этот перевод нельзя считать адекватным. Мало того, перевод Э. Дюрана не является и высокохудожественным самостоятельным поэтическим произведением на французском языке, т. е. он не соответствует обязательным условиям адекватного перевода в целом.

В переводе Ф. Мазата стихотворение Т. Г. Шевченко «Садок вишневий коло хати...» представлено следующим образом:

LE SOIR

C'est la maison que les cerisiers environnent.
Autour de cerisiers, les hannetons bourdonnent,
Les hommes du labour reviennent peu à peu;
Et les filles en chœur chantent et papillonnent.
Cependant que la mère attend devant le feu.

La famille est déjà réunie: elle dîne,
L'étoile du berger au levant s'illumine.
Une des filles sert la soupe et puis le pain,
La mère va prêcher la pieuse doctrine,
La voix du rossignol la fait taire soudain.

Les tout petits enfants ont sommeil, et la mère
Les couche doucement dans la nuit presque claire,
Et s'endort elle-même à côté d'un berceau.
Et seuls restent encore sonores, sur la terre,
Des filles, les chansons et le chant de l'oiseau. [9, p. 2, 3]

Как видим, Ф. Мазад также дал своему переводу название *Le soir* («Вечер»), неадекватное оригиналу.

Архитектоника оригинала в переводе Ф. Мазата воспроизведена точно: количество строк перевода соответствует количеству строк оригинала, нет нарушений в последовательности составных частей.

Композиция стихотворения воспроизведена также адекватно: без каких-либо отклонений во взаимосвязи между отдельными компонентами, последовательность изложения содержания передана в 11 строках (1—10-й, 13-й) эквилинеарно и только в двух случаях — в рамках двух строк (11—12-й, 14—15-й), что несколько хуже, чем в переводе Э. Дюрана.

Лексикку оригинала Ф. Мазад передал следующим образом: из 56 лексических единиц 19 (33,94%) переведены точно: *хрущі над вишнями гудуть* — *autour des cerisiers, les hannetons bourdonnent*, *співають* — *chantent*, *матері ждуть* — *la mère attend*, *сама заснула* — *s'endort elle-même* и т. д.; адекватно — 4 (7,15%): *хата* — *la maison*, *плугатарі* — *les hommes du labour*, *встає* — *au levant* и т. д.; точно интерпретировано 1 (1,78%) слово: *садок* как *les cerisiers* (*вишни*); неадекватно — 9 (16,07%): *вечерять* — *devant le feu* и *la soupe* et *puis le pain* (*перед огнем и суп и затем хлеб*), *научати* — *prêcher la pieuse doctrine* (*научать благонравию*) и т. д.; не воспроизведены 12 (21,42%) слов, из которых 9 (16,07%) существенны для перевода: *з плугами*, *йдучи*, *коло хати* (дважды) и *затихло все*.

Итак, лексика оригинала в переводе Ф. Мазада воспроизведена (переведена и интерпретирована) хуже, чем в переводе Э. Дюрана всего лишь на 61,51%, т. е. ослабленно адекватно.

Лексика перевода насчитывает 81 единицу, из которых 23 (28,40%) точно передают (переводят или интерпретируют) лексику оригинала: *le rossignol* — *соловейко*, *la mère* — *матю*, *les petits enfants* — *маленьких дитючок*, *à côté de* — *коло* и т. д.; 15 (18,52%) адекватно воспроизводят: *dîne* — *вечеря*, *au levant* — *встае*, *une des filles* — *дочка* и т. д.; 18 (22,22%) — неадекватно: *la fait taire soudain* (заставляет ее внезапно умолкнуть) вместо *не дае*, *un berceau* (*колыбель*) вместо (*коло їх*) и др. Из введенной переводчиком лексики (22 слова, т. е. 30,86%) 13 (16,05%) адекватны лексике оригинала: *peu à peu* (*потихоньку*), *en chœur* (*хором*) и др. Таким образом, из 81 слова перевода всего лишь 51 (62,97%) соответствует лексике оригинала, которую Ф. Мазад воспроизвел в целом ослабленно адекватно.

Морфологические особенности оригинала переданы следующим образом: существительных в оригинале 19, в переводе 31, прилагательных — соответственно 3 и 4, местоимений — 4 и 3, числительных — 0 и 1, глаголов — 17 и 17, наречий — 2 и 7, предлогов — 6 и 13, союзов — 3 и 7, частиц — 2 и 0. Бóльшее количество частей речи в переводе объясняется большим количеством слогов (в оригинале их 126, в переводе Ф. Мазада — 161), что, в общем, не оправдано, так как переводчик ввел от себя много слов (22), далеко не всегда адекватных оригиналу. Разница в количестве прилагательных и частиц незначительна. Различие в количестве местоимений, союзов и предлогов диктуется законами французского языка. Разница в количестве наречий и существительных неоправдана во всех тех случаях, когда соответствующие слова (*la soupe*, *le pain*, *la doctrine*, *déjà* и др.) адекватны лексике оригинала. Кроме этого, имя существительное *materni* дано в переводе не во множественном, а в единственном числе (*la mère*); глагол *заснула*, как и у Э. Дюрана, ошибочно переведен формой настоящего времени (*s'endort*). Особо следует отметить полное отсутствие ласкательно-уменьшительных форм, о которых шла речь выше, в связи с чем перевод в этом отношении неадекватен оригиналу, так как полностью меняет модальность отношения поэта к изображаемому в стихотворении объектам. Из-за указанных недостатков морфологические особенности оригинала в переводе Ф. Мазада переданы лишь ослабленно адекватно.

Главные образы Ф. Мазад воспроизвел по-разному: почти точно: *вечірньої зіроньки* (*l'étoile du berger*); адекватно: *людей, возвращающихся с поля домой* (*les hommes du labour reviennent peu à peu*; *et les filles en chœur chantent et papillonnent*), *семьи, соловья, матери с детьми* (*Les tout petits enfants ont sommeil, et la mère les couche doucement dans la nuit presque claire. Et s'endort elle-même à côté d'un berceau*); ослабленно адекватно: *матерей, ожидающих* ужинать, так как в переводе сказано *la mère attend devant le*

feu (мать ждет у огня); частично адекватно: садок вишневый, так он в переводе заменен вишнями — les cerisiers; неадекватно: центральный образ — хата лишь в первой строфе (la maison), дівчата и соловей, так как вместо этого в переводе дано et seuls restent encore sonores, sur la terre, des filles, les chansons et le chant de l'oiseau, (и остаются еще на земле одинокие звуки, дівчата, песни и пенье птицы); не передан образ тишины. Итак, основные образы оригинала в переводе Ф. Мазада воспроизведены всего лишь ослабленно адекватно.

Тропы и фигуры оригинала Ф. Мазад воспроизвел так: 9 анафорических синтактико-морфологических параллелизмов-существительных (садок — хрущі — плугатарі — матері — сім'я — зіронька — дочка — мати — соловейко) он передал почти точно и одновременно три из них усиленно (les hommes (du labour) — les filles — la famille — l'étoile (du berger)* — des filles — la mère — la voix (du rossignol) — des filles); из четырех строфических анафорических синтактико-морфологических параллелизмов-противопоставлений адекватно передал лишь выражение а матері (сependant que la mère — в то время как матери), остальные же (а мати — так соловейко — та соловейко) адекватно компенсировал (et les filles — et s'endort — et seuls); зрительный антиклимакс воспроизвел почти точно (зрительных объектов в первой строфе оригинала 9, перевода — 10, во второй — соответственно 9 и 10, в третьей — 7 и 9); внутрострочный повтор плугатарі з плугами адекватно компенсировал внутрострочным повтором реу à реу; эпифору коло хати, метафору та соловейко не дає, хиазмы плугатарі з плугами йдуть, співають ідучи дівчата и затихло все, тільки дівчата Та соловейко не затих, из трех эллипсов (Садок вишневий коло хати, А матері вечерять ждуть и А мати хоче научати) первый не воспроизвел, а два других передал точно (Сependant que la mère attend devant le feu и La mère va prêcher la pieuse doctrine), климакс уменьшительно-ласкательных форм (садок — зіронька — соловейко — маленьких діточок — соловейко), а также инверсию (садок вишневий) Ф. Мазад не воспроизвел, кроме того, ввел неадекватные оригиналу словосочетания, включающие в себя неадекватные эпитеты (la pieuse doctrine — благонравие и la nuit claire — светлая ночь) и анаколүф (Et seuls restent encore sonores, sur terre, Des filles, les chansons et le chant d'oiseau). Особо, однако, следует отметить пять замечательных адекватных оригиналу внутренних звуковых повторов, введенных Ф. Мазадом в свой перевод и делающих его тем самым весьма по-

* Употребление переводчиком словосочетания l'étoile du berger для передачи оригинального вечірня зіронька не совсем адекватно, так как это французское выражение относится к стилю интимному, доверительному [8, С 634], а не к возвышенному, лиро-эпическому стилю оригинала; поэтому здесь уместнее было бы l'étoile du soir, введение которого не внесло бы побочных отрицательных изменений в перевод (например, нарушения ритмо-мелодики и др.).

этичным: *hannetons — bourdonnent, cependant — attend, sommeil — mère, doucement — dans, encore — sonores*. Таким образом, из 27 тропов и фигур оригинала Ф. Мазад адекватно воспроизвел и компенсировал 22, т. е. 81,48%, что адекватно оригиналу. Наличие в переводе трех неадекватных тропов усиливает, тем не менее, художественность перевода Ф. Мазада как самостоятельного произведения на французском языке.

Синтаксическую структуру и построение предложений Ф. Мазад передал частично адекватно: в оригинале четыре повествовательных предложения, в переводе — три, причем в первой строфе вместо одного — три, во второй — два, в третьей — вместо двух предложений (каждое из них состоит из двух сочиненных) — три предложения, структура которых совершенно иная: первое — с союзным сочинением, второе — простое, третье — с уточнением и несколькими однородными членами.

Ударения оригинала воспроизведены количественно частично неадекватно (43 и 55), т. е. в переводе ударений на треть больше. Кроме того, лишь 28 из 55 ударений приходятся на те же (10) или потенциально те же (13) слоги, что в оригинале, т. е. и качественно ударения перевода неадекватны ударениям оригинала. Тем не менее система ударений этого перевода ближе к оригиналу, чем система ударений перевода Э. Дюрана.

Стихотворный размер передан также частично адекватно: оригинал написан четырехстопным ямбом, что в переводе отражено в 28 стопах из 84, остальные 56 — хореические.

Ритмомелодика перевода частично адекватна ритмомелодике оригинала, что объясняется частичной адекватностью синтаксиса двух языков, ударений и их систем, а также размера. Перевод имеет свою ритмическую структуру: он написан в силлабо-тоническом ритме, причем каждая строка, после которой следует пауза, имеет цезуру, но так как место цезуры в каждой строке иное (за исключением 3—4-й строк), характерная для силлабо-тонического стиха монотонность отсутствует и перевод звучит довольно живо. Все это делает перевод Ф. Мазада поэтическим произведением.

Ф. Мазад воспроизвел 9 мужских и 6 женских рифм оригинала 15 мужскими, что оправдано, так как слов с ударением на предпоследнем слоге во французском языке нет; 9 открытых и 6 закрытых рифм оригинала переданы точно; 3 приблизительные (*хати — дивчата* (дважды) и *своix — ix — затиx*), 2 бедные (*гудуть — йдуть — ждуть* и *встае — подае — дае*), а также 1 полную (*хати — научати*) рифмы Ф. Мазад воспроизвел 6 бедными. Таким образом, из 36 особенностей рифм оригинала в переводе точно передано 26 (72,22%), адекватно — 6 (16,67%), частично адекватно — 3 (8,33%), неадекватно — 1 (2,78%), т. е. в целом адекватно. Кроме того, в переводе есть одна внутренняя рифма — *maison — environnent* (1-я строка), — а также несколько пусть и слабых внутренних межстрочных рифм — *les cerisiers — des cerisiers* (1—2-я строки), *la-bour — chœur — mère* (3—5-я строки), *berger — sert — prêcher*

(7—9-я строки), *enfants — dans* (11—12-я строки), — что делает звучание перевода весьма мелодичным. Таким образом, в целом рифма перевода усиленно адекватна рифме оригинала.

Систему рифмовки оригинала аббаб Ф. Мазад передал адекватно как аабаб.

Таким образом, учтя ошибки и приняв во внимание достижения своего предшественника Э. Дюрана, Ф. Мазад одинаково с ним воспроизвел идейно-тематическое содержание и архитектуру оригинала (точно), его композицию (адекватно), морфологические особенности (ослабленно адекватно) и название (неадекватно); хуже — лексику и синтаксическую структуру оригинала (не адекватно, а частично адекватно) и образы (не почти точно, а ослабленно адекватно); лучше — тропы и фигуры (не частично адекватно, а адекватно), ударения, размер оригинала и его ритмомелодику (которых Э. Дюран вовсе не воспроизвел, а Ф. Мазад передал частично адекватно), рифму и систему рифмовки (у Э. Дюрана их нет, у Ф. Мазада они воспроизведены соответственно усиленно адекватно и адекватно). Хотя перевод Ф. Мазада представляет собой частично адекватное воспроизведение стихотворения Т. Г. Шевченко, он в то же время является довольно хорошим самостоятельным художественным произведением на французском языке. Поэтому из двух первых французских переводов стихотворения Т. Г. Шевченко «Садок вишневый коло хати...» лучшим является перевод Ф. Мазада.

Список литературы: 1. *Борицак І.* Шевченко у Франції. — Львів, 1933. — 66 с. 2. *Гресько М. М.* Т. Г. Шевченко французською мовою. (1847—1967): Бібліографічний покажчик. — Львів, 1967. — 43 с. 3. *Миронов О. О.* До питання про методику аналізу перекладу поетичного твору. — Вісн. Харк. ун-ту, № 50. Серія філол., вип. 5. — Харків, 1970, с. 34—39. 4. *Миронов О. О.* Поезія Шевченка «Садок вишневий коло хати...» в німецьких перекладах. — В кн: 36. праць вісімнадцятої наукової шевченківської конференції. — Київ, 1971, с. 293—309. 5. *Наливайко Д. С.* Французька література і Шевченко. — В кн.: Шевченківський Словник. — Київ: Головна редакція УРЕ, 1976, т. 2, с. 313—315. 6. *Погребенник Ф. П.* Дюран. — В кн.: Шевченківський Словник. — Київ: Головна редакція УРЕ, 1976, т. 1, с. 203. 7. *Шевченко Т.* Повне зібрання творів в шести томах, т. 2. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1963, с. 15. 8. *Dictionnaire de la langue française Petit Robert.* — Paris: Société du nouveau littré, 1973. — 1971 p. 9. *France et Ukraine.* Paris, 5 mars 1920, N. 3, p. 2—3. 10. *Revue des Deux Mondes.* Paris, 15 Juin 1876, t. 15, p. 941.

Поступила в редколлегию 22.11.79.

И. П. ЛИПКО, З. Н. ЛИПКО, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВАРИАТИВНОСТИ СТРУКТУРЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СКАЗУЕМЫМ *have* В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОДСИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сущность территориальных особенностей языка, характер соотношения между различными вариантами одного языка относятся к важнейшим проблемам общей лингвистики [4]. Территориальные подсистемы одного языка характеризуются относительной независимостью, поэтому анализ ареальных подсистем представляет значительный интерес для теоретического изучения процессов развития языка и для прикладного языкознания. Как отмечает Г. А. Орлов, «Даже сама констатация факта территориальных расхожде-

ний единого национального языка имеет бесспорное значение для науки и практики» [1, с. 107].

Современный английский язык как архисистема включает в себя ряд подсистем, имеющих распространение в странах, в которых развитие английского языка проходило в различных социолингвистических условиях [2]. R. Quirk считает, что существуют различные стандартные английские языки [6]. Мы полагаем, что тщательное изучение ареальных подсистем, анализ их сходных и отличительных черт способствуют пониманию их лингвистического статуса, тенденций их развития.

Данная статья содержит результаты изучения количественных различий и некоторых качественных характеристик функционирования глагола *have* в роли сказуемого вопросительных предложений в двух крупнейших ареалах английского языка — британском и американском. Хотя проблема предложения как основной единицы синтаксического строя, как минимальной единицы, имеющей коммуникативный характер, является объектом исследования в течение весьма длительного времени, она продолжает оставаться одной из наиболее актуальных в языкознании. В частности, до сих пор не ясен статус вопросительных и отрицательных предложений, что особенно существенно для английского языка, в котором вопрос и отрицание рассматриваются в понятиях морфологии и синтаксиса.

Настоящая статья посвящена частному аспекту данной проблемы, а именно, вопросительным предложениям с *have*, образуемым с помощью *do* или только путем инверсии в британском и американском вариантах, с целью выяснения их сходных и отличительных черт.

Структура вопросительных предложений с глаголом *have* в роли сказуемого и их дифференциация с точки зрения употребления *do* в британском и американском вариантах относится к числу недостаточно разработанных проблем. Хотя различные значения *have* рассматривались в ряде работ [см., напр., 3; 5] некоторые количественные и качественные характеристики этого глагола не были предметом специального анализа.

Материалом нашего исследования послужили оригинальные тексты современных английских и американских авторов. Общий объем выборки — 6 тыс. примеров (по 3 тыс. на каждый вариант). При этом использованы следующие методы: 1) семантико-структурное описание; 2) сопоставительный анализ; 3) количественный анализ с элементами структурно-вероятностного анализа (СВА).

Авторы, коснувшиеся данной проблемы, указывают, что существуют определенные различия в функционировании глагола *do* с *have* в двух указанных языковых подсистемах, но так как данный вопрос затрагивается лишь попутно, основные количественные и качественные характеристики этих различий не получили обстоятельного освещения. Основной акцент в настоящей статье сделан на количественных различиях, которые подробно нигде не рассматривались. Применение метода СВА дало возможность определить достаточность выборки для предварительных выводов, так как относительное квадратическое отклонение (ОКО) — величина, свидетельствующая о достаточности выборки, — колеблется от 12 до 20%.

Если принять все зарегистрированные нами случаи употребления глагола *have* в вопросительных предложениях в каждом отдельно взятом варианте английского языка за 100%, то общие вопросы с *do* в британском варианте составили 19, без *do* — 53%;

специальные вопросы с *do* — 16, без *do* — 12%. В американском варианте общие вопросы с *do* составили 68, без *do* — 16%; специальные вопросы с *do* — 10, без *do* — 6%. Особенно отчетливо расхождения наблюдаются в сфере общих вопросов. Следует отметить, что удельный вес предложений со специальными вопросами, как в британском, так и в американском вариантах английского языка, значительно меньше по сравнению с общими вопросами. Их соотношение в британском варианте — 1 : 2, 5, в американском — 1 : 5.

Отсутствие *do* со смысловым *have*, употребляемым в его основном значении в общих вопросах, может рассматриваться как норма в британском варианте. Тем не менее употребление *do* с *have* в современном британском варианте английского языка также имеет нормативный характер в определенных случаях.

Глагол *to have* имеет парадигматическое значение обладания. В синтагматике оно может претерпевать различные изменения, приобретая либо более конкретный, либо более отвлеченный характер. В определенных контекстах, в сочетании с различными лексемами, *have* может быть синонимом глаголов получать, есть, пить, испытывать, брать, использовать и т. п., т. е. в известных синтагматических условиях *have* приобретает значения, в которых сема обладания приглушена. В таких случаях *have* обычно встречается с *do*, т. е. структура предложения и семантика *have* тесно связаны и взаимозависимы. Например (в британском варианте): *How often do you have letters from him?* (Murdoch); *Did you have any difficulty in understanding his speech?* (Galsworthy).

Следует добавить, что при этом структуры с *do* в британском варианте нередко имеют дополнительную сему обычного, повторяющегося действия: *Do you often have colds?* (Hornby). При упоминании о единичном действии наряду со структурами типа *Have you a cold, you are looking seedy?* (Murdoch) более употребительными в британском варианте являются структуры с *have got*.

Примеры употребления *have* в различных значениях, зарегистрированные в нашей выборке, свидетельствуют о том, что использование *do* с *have* не ограничивается случаями, описанными другими авторами. Так, весьма показательными являются структуры с *do* или без него в одинаковых или близких синтагматических условиях. Например (в британском варианте): *Do you have any thoughts?*; *Have you an idea?* (J. Russell) или «Oh, very nice.» «Has she any children?» «No». (F. King); *Does she have a niece?* (J. Russell).

Несмотря на преобладание *do* структур в американском варианте, в нем также возможно параллельное появление *have* в конкретных значениях без *do* в аналогичных, даже идентичных синтагматических условиях. Например: *Have you one drink?* (J. Salinger); *Do you have a drink?* (E. Segal).

По-видимому, и в британском и в американском вариантах *do* появляется в случаях, допускающих трансформацию разной сте-

пени сложности в структуры с вводным *there*: Do you have any discussions in your lessons?; Are there any discussions in your lessons?

Таким образом, по данным нашего анализа можно сделать следующие выводы: 1) употребление структур с *do* в общих вопросах является нормой для американского варианта английского языка, без *do* — для британского варианта; 2) в специальных вопросах в обоих вариантах структуры с *do* имеют больший удельный вес по сравнению со структурами без *do*; 3) структура предложения и семантика *have* тесно связаны и взаимозависимы; 4) появление структур с *do* и без *do* в одинаковых или близких синтагматических условиях в британском и американском вариантах, вероятно, свидетельствует о том, что в данной области синтаксиса происходит борьба старого и нового, которая по-разному проявляется в британском и американском вариантах английского языка.

Список литературы: 1. Орлов Г. А. Нужная книга. — Иностр. языки в школе, 1973, № 5, с. 107—110. 2. Тарасова Е. В. Грамматико-лексическое микрополе будущего времени в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1976. — 26 с. 3. Хорнби А. С. Конструкции и обороты современного английского языка. — М.: Учпедгиз, 1960. — 335 с. 4. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. — М.: Высш. школа, 1971. — 200 с. 5. Giering D.; Graustein G. English grammar. — Leipzig, 1977. — 406 p. 6. Quirk R. The English language and images of matter. — Ldn, 1972. — 80 p.

Поступила в редколлегию 10.10.79.

А. П. МАРТЫНЮК

К ВОПРОСУ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Даже при беглом взгляде на систему английских глагольных форм обращает на себя внимание факт существования принципиальных различий в семантике глаголов, позволяющих объединять их в определенные, сравнительно большие группы, каждая из которых обладает своим отличительным семантическим признаком. Речь идет о семантической классификации, основывающейся на разграничении глаголов действия, процесса и состояния. Представляется возможным решать эту задачу в рамках компонентного анализа, который предусматривает разложение значения языкового знака на минимальные единицы смысла, не подлежащие дальнейшему членению и, таким образом, служит критерием сведения знаков, содержащих сходные компоненты в одну и ту же семантическую систему [см. 1—4; 6].

Методика выделения сем основывается на принципе оппозиции, т. е. нахождении в рамках данной системы такого дифференциального семантического признака, по отношению к которому различаются хотя бы два элементарных смысла. Так, английские глагольные формы можно противопоставить друг другу как «динамичные» и «нединамичные» в силу того, что лексическое значение первых связано с понятием процесса, развития, изменения, в то время как последние способны передавать лишь «неподвижную длительность», не связанную с какой-либо целью, с количественными или качественными изменениями, с перспективой развития. Формально

данное противопоставление реализуется в тексте на употребительность того или иного глагола в форме Continuous.

С другой стороны, английские глагольные формы находятся в отношении членов бинарной оппозиции по дифференциальному признаку активности или же пассивности их субъекта, определяемого в первом случае как активного деятеля, а во втором — как объекта воздействия, т. е. агента или пациента.

Необходимо отметить, что в группу глаголов, связанных с существительным-пациентом, попадают все «нединамичные» и часть «динамичных». В результате одновременного действия двух дифференциальных признаков оформляются три группы глаголов, которые можно расположить согласно их основным характеристикам (табл. 1).

Таблица 1

Глагол	Группа		
	А	Б	В
«динамики» связанный с су- ществительным- агентом	+	+	—
	+	—	—

Таким образом, глаголы первой группы, характеризующиеся активностью субъекта и «динамичностью», могут рассматриваться как глаголы действия. Они, как правило, отвечают на вопрос *What did he do?* [7]. Поскольку глаголы второй группы «динамичны», но при этом связаны с существительным-пациентом,

для них, по-видимому, наиболее характерно понятие процесса предполагающего обычно какие-то изменения (количественные или качественные). Данные глаголы могут отвечать на вопрос *What happened?* И, наконец, третья группа объединяет глаголы состояния, поскольку, выражая лишь «неподвижную длительность» они «нединамичны» и связаны с пассивным субъектом.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что возможен еще и четвертый вариант, т. е. глагол, будучи «динамичным», может соотноситься одновременно и с пациентом и с агентом. Это так называемый активно-процессный глагол или глагол действия-процесса. Как правило, данные глаголы отвечают на вопрос *What did he do?* а также на вопрос *What happened?* Например: *They murdered his wife. What did they do? What happened to his wife?*

Таким образом, получены элементарные смыслы состояния, процесса, действия, действия-процесса, реализуемые прежде всего через особенности семантики того или иного глагола. Однако детальный анализ системы английских глагольных форм в семантическом плане показывает, что данные значения чаще всего служат лишь нейтральной семантической основой для действия дифференциальных множителей иного порядка, выступающих в качестве своеобразных спецификаторов, которые накладываются на семантическую основу сказуемого с глаголом состояния, процесса, действия или же действия-процесса в качестве ядра и тем самым определяют его специфику по отношению к другим глагольным формам.

В целях разработки принципов детальной классификации английских сказуемых с учетом специфицирующих семантических признаков была проанализирована выборка объемом 10 тыс. примеров, отобраны наиболее типичные, трансформированы в виде моделей и распределены по соответствующим подгруппам (табл. 2).

Таблица 2

Под-группа	Группа			
	А	Б	В	Г
I		He died Nothing happened She changed	They stopped She smiled The men ran	
II	He is an Englishman She is ill	She got tired The town gets bigger	He is being attentive She is being careful	
III	The building is small That book belongs to me That doesn't concern you It depends on the weather			
IV		What puzzles you? It kills me It ruins him	They murdered his wife He wrecked her life She broke the cup	
V	He loves children She wants a cake They enjoy their grandmother	I forgot the answer I remember it very well She saw the snake		
VI	He owns a car She has some money They have got the tickets	They found the book He lost the tickets She won the game		They sold him a car She sent him a letter He bought her a present
VII	She is in Moscow That is on the table They are in the yard			
VIII	It is hot It is late		It rains It is snowing	

Предложенные подгруппы по вертикали следует отнести согласно сформулированным критериям соответственно к глаголам состояния (А), процесса (Б), действия (В) и действия-процесса (Г),

а по горизонтали — к определенным семантическим подгруппам, выделяемым на основе действия того или иного спецификатора. При этом семы-спецификаторы выделяются в бинарных оппозициях, маркированные члены которых могут рассматриваться как собственно спецификаторы, а немаркированные — как нулевые спецификаторы нейтральной семантической основы глагола. Так, к I подгруппе относятся «чистые» процессы (IB) и действия (IB). Сказуемые этой подгруппы наименее предполагают наличие каких-либо дополнительных оттенков значения, поскольку нейтральные семы процесса и действия сочетаются здесь с нулевыми спецификаторами (само отсутствие положительного спецификатора характеризует данное сказуемое как собственно процесс или действие). Следовательно, особенности данных подгрупп глаголов полностью исчерпываются основными критериями, определяющими принадлежность глагольной формы к одной из четырех указанных семантических групп.

Сравнивая сказуемые подгрупп IB и IIB, а также IB и IIB, нельзя не отметить, что помимо общих семантических характеристик, относящих их к одним и тем же группам, сказуемым IIB и IIB в отличие от сказуемых IB и IB присущ особый элемент значения. Они не просто выражают действие или процесс, но и дают, кроме этого, определенную характеристику субъекту, так что все относящиеся сюда предложения практически сводимы к формуле X связка Y , где X — определяемое; Y — определяющее. В этом смысле можно сказать, что нейтральные семы процесса и действия, а также состояния (IIA) в данном случае маркируются семой квалификативности, выступающей в качестве спецификатора, и, следовательно, рассматриваемые состояния, процессы и действия можно назвать квалификативными.

Ядром сказуемых III подгруппы являются глаголы состояния, поскольку они «нединамичны» (глаголы типа *to belong to*, *to consist of*, *to contain*, *to depend on*, *to concern*, *to deserve*, *to cost* и т. д., как правило, не употребляются в Continuous), а также, поскольку они определяют наличие пациента (данные глаголы нельзя употреблять в конструкциях, требующих активного субъекта действия: **What I did was to belong to the island*). [5].

Однако в силу того, что сказуемые III подгруппы обозначают только лишь различные отношения между предметами и явлениями объективной действительности, данные состояния могут быть обозначены как релятивные. Согласно полученным данным сема релятивности может накладываться только на семантическую основу глаголов состояния.

Глагольные корни подгрупп IVB и IVГ характеризуются «динамичностью», однако между ними существуют различия. Сказуемые IVГ сочетаются с одушевленным субъектом и в силу этого могут характеризоваться как активно-процессные (глагол одновременно связан и с пациентом и с агентом); сказуемые IVB сочетаются с неодушевленным субъектом и поэтому характеризуются как

процессные (глагол связан лишь с пациентом). Но вместе с тем все сказуемые IV подгруппы характеризуются только им присущим признаком направленности действия (процесса) на тот или иной объект при изменении состояния данного объекта. Следовательно, процессы IVБ и активные процессы IVГ выступают как «направленные».

Сказуемые V подгруппы согласно названным выше критериям определяются как состояния и процессы. Сказуемые VA и VB связаны с пациентом и, следовательно, не употребляются в «активных» конструкциях: *I persuaded him to want a cake. *I persuaded him to forget the answer. *I love children only for her sake. *I see a snake only for her sake. Однако сказуемые VA не отвечают на вопрос What happened? на который отвечают сказуемые VB, что характеризует последние как процессные. В качестве семы-спецификатора для сказуемых V подгруппы выступает так называемая сема экспириенциальности, поскольку данные глаголы предусматривают, что либо кто-то является экспириенцером определенного состояния, либо чьи-то умонастроения или умственные процессы подвержены воздействию. Таким образом, к V подгруппе относятся глаголы умственной деятельности (to expect, to believe, to suppose и т. д.), а также глаголы физического восприятия (to see, to hear, to feel, to notice и т. д.). Видимо, экспириенциальность является свойством лишь процессных и стальных глаголов.

Сказуемые VI подгруппы определяются по вертикали (табл. 2) соответственно как состояния, процессы и активные процессы согласно известным критериям. Действительно, сказуемые VIA «нединамичны» (*He is owning a car) и связаны, как правило, с пациентом (*I own a car only reluctantly), глаголы VIБ, будучи «динамичными» (She is winning the game), предполагают наличие пассивного субъекта (*She persuaded him to win the game), отвечая при этом на вопрос What happened? Что касается глаголов VIГ, то они будучи «динамичными» (He is buying her a present) связаны и с агентом и с пациентом, отвечая как на вопрос What happened?, так и на вопрос What did he do?

Специфика значения сказуемых VI подгруппы заключается в том, что в предложении с данным лексико-семантическим вариантом глагола содержится информация о том, что кто-то получает выгоду из чего-то, имеющегося в наличии, или же, наоборот, оказывается в невыгодном положении из-за отсутствия чего-то — т. е. возникает некая ситуация, при которой глагол приобретает бенефективный оттенок, и, следовательно, данные состояния, процессы и действия-процессы могут рассматриваться как бенефективные. Согласно полученным результатам, «бенефективность» присуща как глаголам состояния и процесса, так и глаголам действия-процесса, в отличие от глаголов собственно действия.

В моделях VII подгруппы, объединяющей глаголы состояния (*She is being in Moscow. *What I did was to be in Moscow), ярко выражен локативный характер, ибо каждое из предложений со-

держит в себе ответ на вопрос типа *Where's he?* Следовательно, сказуемое здесь может быть определено как локативное.

И, наконец, сказуемые VIIIA и VIIIB представляют соответственно состояния и действия, хотя и несколько необычные. Глаголы VIIIA являются глаголами состояния, поскольку они отвечают известному требованию отсутствия «динамичности» (**It's being hot*), тогда как глаголы VIIIB, напротив, являются «динамичными» (*It's gaining*), будучи глаголами действия. Однако здесь нет субъекта как такового, ибо данные лексико-семантические варианты глагола представляют особые, всеобъемлющие состояния, охватывающие все окружение, а не какой-либо объект в нем, и особые действия, происходящие при отсутствии какого-либо агента. Сказуемое здесь является амбиентным, оно подразумевает какое-то всеохватывающее событие, безотносительно к какому-либо конкретному предмету окружения.

Таким образом, можно выделить следующие дифференциальные множители, которые могут факультативно накладываться на семантические структуры сказуемых с глаголами состояния, процесса, действия и действия-процесса в качестве ядра, определяя тем самым специфику их значения: 1) квалификативность; 2) релятивность; 3) «направленность на объект»; 4) экспериенциальность; 5) бенефектативность; 6) локативность; 7) амбиентность.

Список литературы: 1. Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте. — Лексикогр. сб., 1962, вып. 5, с. 24—33. 2. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. — Лексикогр. сб., 1962, вып. 5, с. 13—24. 3. Долгих Н. Т. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу. — Филол. науки, 1974, № 2, с. 23—31. 4. Комлев М. Т. Компоненты содержательной структуры слова. — М., 1969. — 192 с. 5. Leech L., Svartvik J. A communicative grammar of English. — S. l., Longman, 1975. — 453 p. 6. Степанова М. Д. Вопросы компонентного анализа в лексике. — Иностр. языки в школе, 1966, № 5, с. 12—17. 7. Чейф У. Значение и структура языка / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1975. — 432 с.

Поступила в редколлегию 16.05.80.

Н. И. МАСЛОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ *ing*-ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на обилие работ, посвященных английским вербидам, многие вопросы еще не нашли достаточно убедительного решения. В первую очередь к ним относится проблема *ing*-формы, т. е. разграничение или неразграничение на морфологическом уровне герундия и первого причастия как самостоятельных подсистем глагола.

В советской и зарубежной англистике существуют различные толкования *ing*-формы. Число неличных форм при этом колеблется от двух до пяти. Основные модели номенклатуры английских вербидов следующие: 1) инфинитив и *ing*-форма, включающая причастие I и герундий [см. 1]; 2) инфинитив, причастие I, причастие II [см. 13, 14]; 3) инфинитив, причастие I, причастие II и герундий [см. 11, 12]; 4) две формы инфинитива, две формы причастия — I и II и отглагольное существительное [см. 10]. Не имея возможности деталь-

но рассмотреть различные взгляды в рамках данной статьи, скажем только, что точка зрения исследователей, объединяющих причастие I и герундий в одну подсистему, является наиболее последовательной и исторически обоснованной, так как уже в среднеанглийский период эти две формы, взаимодействуя друг с другом, получили единый маркер-ing, что в дальнейшем привело к слиянию этих форм — именной и адъективно-адвербиальной — как в плане выражения, так и в плане содержания. Так, Л. С. Бархударов отмечает, что причастие I и герундий «это не две разные морфологические формы, а два типа синтаксического употребления одной и той же формы» [1]. Следует сразу же подчеркнуть, что сущность этой сложной подсистемы не ограничивается двумя типами синтаксического функционирования; в различных синтагматических употреблениях ing-формы характеризуются различными абстрактными значениями в рамках общего процессуального значения.

Комплексная сущность этой сложной подсистемы глагола, обладающей тремя насаивающимися на глагольную природу характеристиками — субстантивной, адъективной и адвербиальной, — которые проявляются в ее функционировании, стала предметом исследования в ряде специальных работ последнего времени [см. 3; 4]. Однако многие аспекты этой проблемы по-прежнему не раскрыты. Данную подсистему глагола, которая не является ни причастием, ни деепричастием, ни герундием, но может быть употреблена как каждое из этих образований, назовем поливербиадом (PV). Нам представляется оправданным мнение тех ученых, которые предлагают разграничивать причастие I (в нашей интерпретации поливербид), «модифицирующее глагол», и причастие I, «модифицирующее имя» [см. 5].

О том, что собственно причастные (вербально-адъективные) свойства поливербидов, рассматриваемые рядом авторов как основные, ни в коей мере не являются доминирующими, а, наоборот, уступают адвербиальным и субстантивным по частоте использования, свидетельствуют следующие данные: адвербиальный вариант функционирования поливербидов составил 44,1, субстантивный — 33,7, атрибутивный — 21,1, прочие 1,1%. Было проанализировано употребление и функционирования PV в следующих произведениях современных американских и английских авторов: L. Doctorow. Ragtime; A. Hailey. The Moneychangers.

Проведенное исследование отражает преобладание адвербиального функционирования поливербидов, которое представлено в 97,8% случаев синтетическими формами. Есть основание считать, что все аналитические компоненты поливербидов в основном адвербиальны по характеру своего функционирования, так как они ни разу не зарегистрированы в позиции A/N и весьма редко встречаются в постпозиции к существительному (т. е. в модели N/A).

Преобладание адвербиального использования PV (в традиционной терминологии причастие I) обусловило выделение verbal adverb в качестве самостоятельной подсистемы глагола [см. 5]. Мы не видим оснований для этого, так как речь идет о различном функционировании на семантико-синтаксическом уровне единой формы PV, сохраняющей свои морфологические особенности в любом использовании и любой дистрибуции.

Сопоставительное изучение грамматических явлений, одной из важных форм которого является анализ перевода, правил перекодирования определенных явлений языка-источника в языке перевода, помогает глубже понять черты сходства и различия изучаемого явления в сопоставляемых языках. Среди способов перевода английских поливербидов на русский язык значительное место при-

надлежит деепричастиям несовершенного вида. Мы полагаем, что именно поливербид, модифицирующий глагол, наиболее близко стоит к русскому деепричастию несовершенного вида, а в некоторых синтагматических значениях и к деепричастию совершенного вида. Это теоретически и исторически оправдано рядом факторов, основными из которых являются: 1) близость путей исторического развития поливербида и русского деепричастия [см. 6; 7; 9]; 2) общность морфологических признаков (неизменяемость, способность определяться наречием, сходная комбинаторика); 3) общность синтаксических признаков (неспособность к предикативному функционированию, обстоятельственное функционирование этих непредикатных форм); 4) способность к адвербиализации, которой особенно подвержены одиночные обособленные деепричастия несовершенного вида в русском языке и соответствующие формы поливербида в английском языке; 5) общность парадигматического значения деепричастия несовершенного вида в русском языке и адвербиального поливербида в английском, а также близость набора синтагматических значений этих двух неличных форм [см. 41]; 6) общность доминанты той совокупности грамматико-лексических средств, которые используются при переводе русского деепричастия несовершенного вида на английский язык (простые формы поливербида, личные формы глагола, формы глагола в придаточных предложениях с сочинением и подчинением, перфектные формы поливербида и т. д.) и поливербида на русский язык (деепричастия несовершенного вида, личные формы глагола в придаточных предложениях с сочинением и подчинением, деепричастия совершенного вида, прилагательные и пр.). Данную совокупность мы будем называть грамматико-лексическим полем перевода этих явлений. Е. В. Тарасова отмечает, что «понятие поля можно с успехом применить для сопоставительных исследований, такой анализ позволил бы установить черты сходства и отличия в распределении и взаимодействии разнородных средств выражения определенного понятия» [8].

Проблема построения полевой структуры при сопоставительном исследовании языков подчинена внутренним законам «переводческого сопоставления языков», представляющего собой «особый вид речевой деятельности» [2, с. 7]. Для построения поля перевода того или иного явления существенно определение единицы перевода, под которой мы будем понимать закономерность соответствия и появления в языке перевода (ЯП) для передачи явления языка источника (ЯИ) определенных языковых средств. В. Н. Комиссаров справедливо полагает, что «процесс перевода представляет собой особый вид функционирования ЯП, ориентированный на создание текста, максимально уподобленного иноязычному оригиналу [2, с. 12]; создание подобного текста имеет решающее значение для переводчика» [2, с. 73].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1. Явление, традиционно называемое *ing*-формой (поливербид — PV, по нашей

терминологии), — единая, сложная подсистема, обладающая адвербиальными, субстантивными и адъективными свойствами, причем наибольший удельный вес имеют адвербиальные свойства. 2. PV в адвербиальном употреблении обнаруживает значительное сходство с русским деепричастием несовершенного вида. 3. PV является доминантой поля перевода русского деепричастия на английский язык, а русское деепричастие несовершенного вида выступает как доминанта в поле перевода поливербида на русский язык.

Список литературы: 1. *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Высш. школа, 1975. — 156 с. 2. *Комиссаров В. Н.* Проблемы лингвистического анализа перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1975. — 51 с. 3. *Крылова Е. В.* Грамматические оппозиции в системе форм на -ing в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1978. — 19 с. 4. *Павлова Н. Н.* О семантике контекста и синтагматических значениях глагольных форм. — Учен. зап. Моск. пед. ин-та иностр. языков. им. М. Тореза, 1977, вып. 110, с. 75—90. 5. *Пешкова И. Н.* Причастие I как модификатор глагола в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1970. — 16 с. 6. *Розендорн Т. П.* Причастие I в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1953. — 19 с. 7. *Руднев А. Г.* О происхождении деепричастия. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1955, т. 3, с. 107—109. 8. *Тарасова Е. В.* Грамматико-лексическое микрополе будущего в ареальных подсистемах современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1975. — 29 с. 9. *Ярцева В. И.* К вопросу об историческом развитии неличных форм глагола в английском языке. — Тр. ин-та языкознания АН СССР, 1959, т. 9, с. 209—237. 10. *Daniel M.* The grammar, history and derivation of the English language. — Ldn, 1904. — 187 p. 11. *Joose M.* The English verb. — N. Y.: Madison a. Milwaukee, 1964. — 324 p. 12. *Khaimovich B. S., Rogovskaya B. I.* A course in English grammar. — M.: Higher school, 1967. — 300 p. 13. *Pense R. W., Enery D. W.* A grammar of present-day English. — N. Y.: Macmillan, 1963. — 367 p. 14. *Quirk R., Greenbaum S., Leesh G., Svartvik J.* University grammar of English. — Ldn: Longman, 1973. — 1120 p.

Поступила в редколлегию 16.10.79.

В. Н. МОЛОДЕЦ

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИНОНИМИИ И ВАРИАНТНОСТИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Вследствие особенностей своего возникновения и развития русская, немецкая, а также некоторые другие лингвистические терминосистемы европейского ареала имеют синонимы и варианты на иноязычной и национальной основе.

Наши исследования позволяют сделать вывод, что лексическая синонимия [см. 5; 6] и лексическая вариантность [см. 3; 4] не только присущи этим терминосистемам, но являются их характерной чертой. Полученные статистические данные доказывают, что лингвистических терминов, не имеющих синонимов, в обоих языках имеется лишь незначительное количество и что они являются, как правило, обозначением малоупотребительных в терминологии единиц. Такие термины мы предлагаем называть мононимами. Среди зафиксированных нами 30 тыс. русских и 35 тыс. немецких линг-

вистических терминов было установлено всего 167 терминов-мононимов, большинство из которых иноязычного происхождения, например: *аорист* — Aorist, *грамматикализировать* — grammatikalisieren, *диастола* — Diastole, *зетаизм* — Zetazismus, *интерполировать* — interpolieren, *калькировать* — kalkieren, *назализация* — Nasalisierung, *панхрония* — Panchronie, *рифмовать* — reimen, *синдезис* — Syndesis, *транслитерация* — Transliteration, *фонема* — Phonem, *эпода* — Epode, *юнктура* — Junktur. Лишь отдельные мононимы представляют собой единицы русского или немецкого происхождения, например: *буквосочетание* — Buchstabenverbindung, *главное предложение* — Hauptsatz, *заимствовать* — entleihen, *строй предложения* — Satzbau, *художественный вымысел* — Dichtung, *языкотворчество* — Sprachschöpfung.

В то же время лингвистических терминов, имеющих два синонима и более (их мы предлагаем называть полионимами), в обеих терминосистемах подавляющее большинство. Приводим несколько типичных примеров синонимии терминов:

а) в русском языке: *асиндетон* — *бессоюзие* — *бессоюзная связь* — *бессоюзное соединение*, *гравис* — *тупое ударение* — *тяжелое ударение* — *тяжелый тон*, *континуатив* — *протяженный вид* — *протяженная форма* — *длительная форма* — *продолженная форма* — *прогрессивная форма*, *персонаж* — *действующее лицо* — *литературный герой* — *образ*, *сибилянт* — *шипящий согласный* — *свистящий согласный*;

б) в немецком языке: Absorption — Einsaugung — Aufsaugung — Aufzehrung, Hermeneutik — Deutung — Erklärung — Erläuterung, Kontamination — Wortkreuzung — Wortmischung — Wortverschleifung — Wortverschmelzung, Onomatopoetik — Lautnachahmung — Schallnachahmung — Lautmalerei — Klangmalerei — Tonmalerei, Fraktur — Brechung — Umlaut — Erhöhung.

Однако, несмотря на обилие синонимов и вариантов в русской и немецкой лингвистической терминологии, этой проблеме до сих пор не было посвящено ни одно специальное исследование, что объясняется, на наш взгляд, отрицательным отношением многих языковедов к этому явлению, которое они считают «неправомерным» в области терминологии. Несомненно, вариантность и синонимия терминов, рассматриваемые изолированно, безотносительно к конкретной терминологии, представляются сугубо отрицательным явлением, поскольку они способны засорить соответствующую терминологию дублирующими формами и затруднить процесс ее усвоения и функционирования. И все же, если применить данный тезис к реальному положению в русской и немецкой лингвистической терминологии, то в своем большинстве синонимы этих терминов не являются излишними, а выполняют определенную словообразовательную и стилистическую функцию.

В странах с немецким государственным языком имеет место так называемый терминологический дуализм, или двухъязычная структура терминологии: в научных трудах и учебной практике

университетов, где применяется академический стиль изложения, используются греко-латинские дублеты, тогда как в практике начальных и средних учебных заведений предпочтение отдается своим национальным калькированным эквивалентам, которые более доступны широким массам. По этой причине дублеты *иноязычный оригинал* — *калька на немецкой основе* не исчезли в этих странах, а продолжают сосуществовать, несмотря на длительные периоды господства пуризма. Практика составления словарей лингвистических терминов в странах немецкого языка свидетельствует о том, что ни одна из крайних точек зрения в отношении синонимов — опора только на греко-латинскую или только на германизованную базу — не победила: все словари, как общие, так и специальные, изданные в послевоенные годы в ГДР [см. 11; 13] и ФРГ [см. 12], приводят дублеты.

В советской германистике из синонимических форм употребляются преимущественно немецкие термины греко-латинского происхождения и, можно сказать, довольно бессистемно и непоследовательно используются их германизованные эквиваленты. Из-за недооценки роли синонимов русских и немецких лингвистических терминов в нашей стране до сих пор не создан ни один более или менее полный двуязычный словарь лингвистических терминов, а изданные общие [см. 2] и специальные русско-немецкие словари [см. 9] также полностью отражают эту тенденцию. Последнее обстоятельство влечет за собой, по нашему убеждению, серьезный недостаток: вследствие установившейся традиции германизованная терминология в нашей стране не только малоупотребительна, но и малоизвестна, за исключением разве ограниченного количества терминов, дублеты которых помещаются в советских лексикографических изданиях.

У синонимов русских и немецких лингвистических терминов имеются особенности, резко отличающие их от синонимов общеупотребительных слов. Эти особенности заключаются в том, что синонимы терминов могут иметь не только единое предметно-логическое содержание [см. 10, с. 191], но и соотношенность с совершенно разными предметами, явлениями, признаками, действиями и логическими категориями. Этот факт, тем не менее, не мешает им быть синонимами по той простой причине, что такие синонимы терминов характеризуют одно и то же обозначаемое ими с разных сторон.

Такое своеобразие терминологических синонимов подмечено было давно. Еще в 1959 г. Е. А. Бокарев писал: «Иногда один и тот же термин обозначает различные понятия или значения близкие, но не вполне совпадающие. Так, в фонетике один и тот же звук называется то взрывным, то смычным и характеризуется он то по активным органам, участвующим в его образовании, то по пассивным. В фонетике кавказских языков один и тот же звук называется и смычно-гортанным, и надгортанным, и абруптивным и т. д.» [1, с. 163].

Следовательно, синонимы русских и немецких лингвистических терминов можно разделить по их предметно-логическому содержанию на две группы:

1. Синонимы с единым предметно-логическим содержанием. Сюда относятся две подгруппы: а) синонимы на иноязычной основе (носителями национального языка различие между ними во внутренней форме не ощущается), например: *идентичность* — *адекватность*, *Identität* — *Adequatheit*; *мейозис* — *литота*, *Meiosis* — *Litotes*, *фреквентатив* — *итератив*, *Frequentativum* — *Iterativum*; а) иноязычные оригиналы и их лексико-семантические кальки в национальных языках, точно повторяющие семантику и структуру иноязычных образцов, например: *билатеральный* — *двусторонний* — *zweiseitig*, *монолингвизм* — *одноязычие* — *Ein-sprachigkeit*, *транслатология* — *переводоведение*, *теория перевода* — *Übersetzungskunde*, *Übersetzungstheorie*.

2. Синонимы с близким предметно-логическим содержанием. Они отличаются несовпадением своей соотнесенности, выпячиванием разных характеристик одних и тех же объектов. Сюда относятся иноязычные оригиналы и их семантические кальки в национальных языках, а также синонимы на национальной основе, образованные от разных корней и отличающиеся по этой причине друг от друга не только стилистически, как синонимы первой группы, но и по своей внутренней форме. Ср.: а) иноязычные заимствования (семантические кальки): *автосемантическое слово* — *знаменательное слово* — *полнозначное слово* — *самостоятельное слово*, *веляризация* — *отверждение*, *дезтимологизация* — *опро́чение*; *Ellipse* — *Auslassung*, *Personifikation* — *Vermenschlichung* — *Verlebendigung* — *Beseelung*, *transitiv* — *zielend*; б) синонимы на национальной основе: *буквальный перевод* — *дословный перевод*, *краткая форма прилагательного* — *несклоняемое прилагательное* — *неизменяемое прилагательное* — *нечленная форма прилагательного*; *Betonung* — *Druck* — *Schwere* — *Hebung*, *Lauterzeugung* — *Stimmbildung*, *Schwund* — *Ausstoßung*.

Особенно богат синонимами с близким предметно-логическим содержанием, т. е. характеризующий обозначаемое с разных точек зрения, тот раздел фонологии, который занимается номинацией звуков речи — гласных и согласных. При этом звуки могут быть названы по следующим признакам: а) гласные — по положению языка, участию губ, открытости ротовой полости, назализации, долготе звука, дифтонгизации, монофтонгизации, напряженности, ударяемости, полноте образования, месту образования и т. п.; б) согласные — по активному или пассивному органу речи, характеру дополнительной артикуляции, количеству звука, способу образования звука и т. п.

Для иллюстрации вышесказанного приводим несколько примеров синонимических и вариантных рядов русских и немецких лингвистических терминов, включающих как единицы с единым предметно-логическим содержанием, так и единицы с близким предмет-

но-логическим содержанием и разной соотнесенностью, употребляемые с целью выпячивания той или иной характерной черты обозначаемого:

ГОВОРИМАЯ речь (см. УСТНАЯ речь, РАЗГОВОРНАЯ речь) — die gesprochene Sprache; Sprechsprache, f; die gesprochene Rede; das gesprochene Wort.

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ (см. ОСРЕДНЕЯЗЫЧЕНИЕ, СМЯГЧЕНИЕ, среднеязычное СБЛИЖЕНИЕ) — Palatalisierung, f; Mouillierung, f; Jodierung, f; Erweichung, f.

ФРИКАТИВНЫЙ согласный (см. ДЛИТЕЛЬНЫЙ согласный, ДЫХАТЕЛЬНЫЙ согласный, ОТКРЫТЫЙ согласный, СПИРАНТ, ФРИКАТИВ, ЩЕЛИННЫЙ согласный) — Frikative, m; ein frikativer Laut; ein frikativer Konsonant; Reibelaut, m; Engellaut, m; Dauerlaut, m.

Причина наличия синонимов и вариантов в русской и немецкой лингвистической терминологии кроется в особенностях истории становления и развития этой языковой подсистемы: благодаря своему различному происхождению — на базе иностранных языков (в основном, классических — греческого и латинского) и своего национального (русского или немецкого) в течение длительного периода времени создавались сложные синонимические и вариантыные ряды русских и немецких лингвистических терминов.

В двуязычном словаре лингвистических терминов должны быть широко представлены стилистические пометы относительно их употребления в современной советской лингвистике. Синонимы немецких терминов следует, кроме того, помещать в переводной части словаря в порядке их убывающей употребительности, т. е. на первом месте должен стоять, как правило, иноязычный дублет а за ним — его наиболее употребительные национальные кальки, например:

АМПЛИФИКАТИВНЫЙ (см. РАСШИРИТЕЛЬНЫЙ, УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫЙ) — amplifikativ, a; vergrößernd, a; erweiternd, a.

КРИПТОГРАФИЯ (см. ТАЙНОПИСЬ) — Kryptographie, f; Geheimschrift, m; Geheimtext, m.

МУЛЬТИЛИНГВИЗМ (см. МНОГОЯЗЫЧИЕ) — Multilinguismus, m; Mehrsprachigkeit, f; Vielsprachigkeit, f.

СИНКОПА (см. ОПУЩЕНИЕ, ПОГЛОЩЕНИЕ) — Synkope, f; Ausstoßung, f; Ausfall, m.

ТАХИЛАЛИЯ (см. быстрая РЕЧЬ) — Taxylalie, f; Schnellsprechen, n.

УДАРЕНИЕ (см. АКЦЕНТ) — Akzent, m; Betonung, f; Tonfall, m; Ton, m; Druck, m; Beschwerung, f; Schwere, f; Hebung, f.

ФОНАЦИЯ (см. ЗВУКООБРАЗОВАНИЕ) — Phonation, f; Lautbildung, f; Lauterzeugung, f; Stimm bildung, f.

Синонимы русских терминов подаются в создаваемом нами словаре лингвистических терминов [7] и в уже изданном русско-немецком словаре фонетических терминов [8], как и в приведенных выше примерах, в алфавитном порядке в скобках непосредственно

после ключевого слова и вводятся пометой «см.», а синонимы немецких терминов — в переводной части в порядке их убывающей употребительности. Полагаем, что в словаре лингвистических терминов, кроме синонимов, должны быть представлены также и варианты терминов, например: небный согласный — Palatalis, f (—; .. les, .. len); Palatale, m; Palatal, m; ein palataler Konsonant; ein palataler Laut; Palatalkonsonant, m; Palatallaut, m.

щелевой согласный, ЩЕЛИННЫЙ согласный — Frikativa, f (—; ..vae, .. vä, .. ven); Frikative, m; Frikativ, m; ein frikativer Konsonant; ein frikativer Laut; Frikativkonsonant, m; Frikativlaut, m.

Русские вариантные формы стоят рядом друг с другом, если имеют лишь разные окончания или разные суффиксы, т. е. разные конечные морфемы слова, например: ФОН, фона; СИНОНИМИЧЕСКИЙ, синонимичный. При этом варианты следуют друг за другом в зависимости от буквенного состава своих конечных морфем, и основной вариант выделяется графически. Если же варианты из-за своего различия в начальных морфемах слова (приставках или корне) находятся в разных местах словаря, то при каждом из них имеется ссылка на другой, а основной вариант также выделяется графически, например: БИРЕМА (см. ДИРЕМА), коррелат (см. КОРРЕЛЯТ). Равные по употребительности и стилистической окраске варианты подаются в словаре одинаковыми графическими средствами.

В случае, если русским заголовочным словом является калька и она более употребительна, чем иноязычный оригинал, то и в переводе на первое место ставится немецкая калька, а не ее иноязычный прообраз, например:

БЕЗЪЯЗЫЧНОСТЬ — Stummheit, f; Sprechunfähigkeit, f; Alalie, f.
ЧЕРЕДОВАНИЕ — Lautwechsel, m; Stufenwechsel, m; Wechsel, m; Abwechslung, f; Abstufung, f; Alternation, f; Alternanz, f.

Этим приемом достигается, по нашему мнению, более точное соответствие эквивалентов переводимого и переводного языков.

Расширение понятия «терминологические синонимы» за счет включения в их состав синонимов с единым или близким предметно-логическим содержанием оказывается в лексикографии весьма плодотворным: оно создает теоретическую базу для подачи в специальных словарях всех членов соответствующих синонимических рядов. При этом синонимы объединяются друг с другом с помощью пометы «см.», указывающей на широкий диапазон отношений между ними — от полной тождественности по семантике и стилистической окраске до частичного совпадения в этих двух сравниваемых параметрах. Например, фактически синонимами являются такие, казалось бы, разные термины, как ВЕЛЯРНЫЙ согласный — ЗАДНЕНЕБНЫЙ согласный — ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ согласный — МЯГКОНЕБНЫЙ согласный — ПОСТПАЛАТАЛЬНЫЙ согласный. В этом длинном синонимическом ряду перечисляются не только иноязычные и русские обозначения одного и того же органа речи (*палатум* — *нёбо*), но и соседствующих с ним органов (*язы-*

чок — задняя часть языка), с помощью которых артикулируется данный звук.

Наш опыт составления большого русско-немецкого словаря лингвистических терминов [7] и специального русско-немецкого словаря фонетических терминов [8] показывает, что нецелесообразно и даже невозможно создавать такие словари без учета разветвленной сети синонимов и вариантов. Вот почему возникла настоятельная потребность в сборе всего или по возможности всего наличного состава русской и немецкой лингвистической терминологии и приведения ее синонимов и вариантов в систему строгих соответствий по определенной схеме. Лишь когда завершится предварительный этап инвентаризации лингвистических терминов в рассматриваемых языках и будут составлены соответствующие словари с максимальным учетом синонимии и вариантности, можно будет приступить к следующему этапу — унификации и стандартизации лингвистических терминосистем. При этом мы считаем, что вряд ли можно ожидать коренных изменений традиционной терминологии; результаты унификации скорее всего можно прогнозировать лишь как некоторое частичное улучшение существующего положения, заключающееся в ликвидации явно устарелых терминов, синонимов и вариантов, не отражающих нынешнего состояния лингвистики и ставших историческими. Из новых лингвистических терминов можно будет изъять те, которые не прижились в языке, а также единицы, совершенно равнозначные по семантике, словообразовательным возможностям и стилистической окраске.

Список литературы: 1. *Бокарев Е. А.* Выступление на Всесоюзном терминологическом совещании в Москве в 1959 г. — В кн.: Вопросы терминологии / АН СССР. — М., 1961, с. 163. 2. *Лепинг А. А., Страхова Н. П.* Русско-немецкий словарь. — М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. — 920 с. 3. *Молодец В. Н.* Классификация вариантов немецких лингвистических терминов. — Вестн. Харьк. ун-та, № 159. Иностр. языки, 1977, вып. 10, с. 60—66. 4. *Молодец В. М.* Класифікація варіантів російських лінгвістичних термінів. — Мовознавство. Київ, 1977, № 4, с. 38—45. 5. *Молодец В. Н.* Классификация синонимов русских и немецких лингвистических терминов по их структуре. — Вестн. Харьк. ун-та, № 170. Иностр. языки, 1978, вып. 11, с. 44—51. 6. *Молодец В. М.* Класифікація синонімів російських і німецьких лінгвістичних термінів за мовою-джерелом. — Мовознавство. Київ, 1978, № 3, с. 51—55. 7. *Молодец В. Н.* О некоторых принципах составления русско-немецкого словаря лингвистических терминов. — Вестн. Харьк. ун-та, № 141. Иностр. языки, 1976, вып. 9, с. 61—66. 8. *Молодец В. Н.* Русская и немецкая фонетическая терминология: Учебное пособие по практической и теоретической фонетике. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. — 116 с. 9. *Русско-немецкий школьно-педагогический словарь* / Сост. В. Э. Вейс и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1967. — 704 с. 10. *Степанова М. Д., Чернышева И. И.* Лексикология современного немецкого языка. — М.: Высш. школа, 1962. — 310 с. 11. *Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini* / Herausgeber R. Conrad. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. — 306 S. 12. *Lewandowski Th.* Linguistisches Wörterbuch. — In 3 Bd. — Heidelberg: Quelle und Meyer, 1973. 13. *Terminkatalog*. Verzeichnis sprachwissenschaftlicher Termini. Russisch-deutsch / Zusammengesellt von V. D. Vinogradov, M. Hums, R. Zinecker. — Potsdam: Pädagogische Hochschule Karl Liebknecht, 1976. — 96 S.

Поступила в редколлегию 30.10.78.

МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Формированию мотивов учения отводится одно из центральных мест в практике организации учебного процесса. Ни одна из задач умственного развития и воспитания не может сегодня рассматриваться вне связи с этой проблемой.

Чрезвычайно актуальным представляется поиск путей и средств формирования мотивов изучения общенаучных дисциплин, в отношении которых мотивация спонтанно не обеспечена, не вызывается непосредственно профессией, обобщенным осознанием будущих функций выпускника вуза.

Результаты эксперимента, направленного на формирование полноценной мотивации (профессионально-ценных мотивов и мотивов, побуждаемых самой учебной деятельностью) при обучении английскому языку на экономическом, биологическом и других факультетах Харьковского госуниверситета в 1973—1979 гг. подтверждают продуктивность предлагаемых способов формирования мотивации. Теоретические основы, ход и некоторые результаты экспериментального обучения описаны нами ранее [3]. В настоящей статье излагаются методики измерения мотивационного поведения обучающихся.

В работах педагогов и психологов, исследовавших данную проблему, не выработаны единые приемы измерения мотивов учения, что вызвано определенными сложностями наблюдения за этим феноменом. С учетом особенностей мотивации изучения общенаучных дисциплин, на основании данных исследований А. Н. Леонтьева, А. В. Петровского, Г. И. Шукиной, П. М. Яковсона нами выдвинута гипотеза: так как процесс формирования мотивов протекает в деятельности учения, появляется возможность зафиксировать косвенные проявления мотивированной учебной деятельности через результаты ее и характер протекания учебного процесса, поддающиеся наблюдению и количественной оценке. Избранные обобщенные показатели могут быть описаны по их составляющим.

Результаты деятельности измеряются:

1) уровнем сформированности умения. В нашем случае (объектом экспериментального обучения было просмотровое чтение) он определялся: а) скоростью чтения — просмотра; б) полнотой понимания;

2) уровнем успеваемости по тем умениям, которые не были объектом эксперимента (грамматические умения), ибо, очевидно, что сформированный мотив должен повысить результаты учения в целом, во всех его аспектах;

3) степенью устойчивости и обобщенности действий по извлечению информации.

Показателями полноты понимания текста — определения темы и идеи — были ответы на вопросы и выбор утверждений, оцениваемые следующим образом: «правильно», «неправильно», «неточно».

Степень сформированности умений, не являющихся объектом экспериментального обучения, устанавливалась путем проведения письменных контрольных работ одинакового содержания и в экспериментальной и в контрольной группах.

Степень устойчивости и обобщенности, характеризующая качество действия, не поддается количественному измерению, однако может быть описана качественно. «Всякое действие может считаться хорошо сформированным, если оно отличается устойчивостью, вы-

полняется в различных ситуациях, может быть перенесено на другие задания» [1, с. 69].

Показатели, отражающие характер учебной деятельности, являющиеся опосредствованным проявлением устойчивого мотива к собственно учению, — это, на наш взгляд, инициативность, дисциплинированность, эмоциональная сторона учения. «Даже, когда мотивы не осознаются... они находят свое психическое отражение, но в особой форме — в форме эмоциональной окраски действия» [2, с. 206].

Для измерения инициативности мы использовали показатели, разработанные Г. И. Щукиной применительно к познавательному интересу [3, с. 169]. К ним относятся: а) стремление включиться в процесс обсуждения задачи, принять участие в ее анализе; б) дополнение ответов товарищей; в) активная постановка перед преподавателем вопросов, направленных на углубление знаний; г) желание взять дополнительные задания; д) желание и готовность ответить на поставленные вопросы; е) самостоятельность выводов и обобщений.

В качестве показателей дисциплинированности были выбраны: а) время работы над заданием без отвлечений; б) полнота выполнения заданий; в) посещаемость, отсутствие опозданий.

Критерием длительности и непрерывной учебной деятельности является, по нашему мнению, количество и характер отвлечений. Известно, что реакция на всякого рода помехи и отвлечения приводит к распадению деятельности. В то же время отсутствие таких отвлечений может служить свидетельством высокой мотивационной активности учебной деятельности.

Эмоциональная сторона учения может быть описана следующим образом. Общий подъем вызывает положительные реакции студентов, выражающие радость, удовлетворение, состояние творчества и т. п., в то время как инертное или отрицательное отношение порождает обратные реакции. Во время занятий фиксируются лишь те эмоциональные реакции, которые поддаются количественным подсчетам на педагогическом уровне. К ним относятся восклицания, выражающие как положительное, так и отрицательное отношение, реплики, выражающие эмоциональные оценки. Думается, что их дифференциация во времени (в ходе занятий, на перерыве, после занятий) имеет определенный смысл, ибо отражает эмоциональную сторону учебного процесса в его протекании во времени. Следует выделить реакции, проявленные после занятий. Они, несомненно, являются отражением эмоционального состояния, равно как и интеллектуального настроения учащихся.

Среди такого рода реакций мы выделяем реплики-оценки, которые представляются весьма отсроченным во времени отражением результатов учения в целом. Они имеют большое значение для выявления учебной мотивации, так как выражают общее и устойчивое эмоциональное состояние и тем самым свидетельствуют об устойчивом характере мотива, побуждаемого самой учебной деятельностью.

Для иллюстрации приведем данные измерения инициативности (табл. 1) и эмоциональной стороны учения (табл. 2) в экспериментальной и контрольной группах. Экспериментальные занятия по сериям отличались содержанием материала и характером управления учебным процессом, общее количество занятий одинаково в обеих группах.

Таблица 1

Показатель инициативности	Количество учебных действий по сериям			
	I	II	III	Контрольная группа
Стремление включиться в анализ	52	98	89	21
Дополнение товарищей	44	82	78	22
Постановка вопросов	87	129	118	28
Готовность дать ответ на вопрос	48	92	88	36
Желание взять дополнительное задание	12	22	29	2
Самостоятельность выводов и обобщений	42	45	43	7

В ходе экспериментального обучения были также измерены уровни мотивационной интенсивности. При этом использовались в модифицированном виде тесты, предложенные Р. Гарднером и Е. Лембертом [см. 4, с. 152]. Мотивационная интенсивность определялась по шести параметрам. По каждому из них студенту предлагали выбрать один из трех возможных ответов, характеризующих высокий, средний или низкий уровень мотивационной интенсивности, которые оценивались соответственно баллами «3», «2», «1».

Таблица 2

Серия занятий	Проявление положительных реакций			Проявление отрицательных реакций с понижением интереса			Эмоциональные реплики—оценки (с положительной реакцией)
	во время занятий	на перемене	после занятий	во время занятий	на перемене	после занятий	
I	69	19	23	—	—	—	14
II	53	11	22	—	—	—	17
III	54	12	24	2	1	1	14
Контрольная группа	21	—	—	4	2	—	—

В зависимости от общей оценки по всем параметрам студентов разделили на три группы. К группе с высокой мотивационной интенсивностью были отнесены получившие общую оценку не менее 15 баллов, со средней — от 9 до 14 баллов, с низкой — ниже 9 баллов.

Студенты давали письменные ответы на предложенные им вопросы. Отвечая на первый из них, они должны были сопоставить затраты времени на занятия иностранным языком свои и товарищей.

Затем оценивалось «последствие»: учащиеся сообщали, как часто они думают о том, что они узнают на занятиях по английскому языку (иногда, часто, никогда). Далее им предлагалось выбрать один из вариантов поведения на тот случай, если бы иностранный язык не изучался (не учил бы его совсем; пытался бы учить другими средствами, в другом месте; читал бы книги, газеты).

После этого определялись затраты времени в часах в течение недели. Студентам предлагалось оценить, достаточно ли они работают над изучаемым языком. Наконец, выяснялось отношение к занятиям иностранным языком в будущем, после окончания курса обучения: «буду пытаться использовать любые возможности, чтобы применять английский язык», «не буду делать попыток использовать английский язык», «продолжу совершенствовать свои знания».

Срезы в экспериментальной группе проводились трижды: до начала эксперимента, в ходе его и после завершения, в контрольной — до начала и в период обучения, соответствующий окончанию экспериментального обучения. Наблюдались существенные изменения мотивационной интенсивности у студентов. Если вначале в обеих группах преобладали студенты с низкой степенью мотивационной интенсивности, то уже во время обучения, а еще более после него, картина существенно изменяется. Число студентов с высокой степенью мотивационной интенсивности в экспериментальной группе в 3,6 раза выше, чем в контрольной, а с низкой — ниже в 4,4 раза.

Предложенные и экспериментально проверенные методики измерения мотивации учебной деятельности могут также найти применение при обучении различным дисциплинам, причем не только в высшей, но и в средней школе.

Разработанные приемы измерения эмоциональной стороны¹ учения могут, очевидно, найти применение также при исследовании различных проблем воспитания.

Список литературы: 1. Гальперин П. Я., Кабыльницкая С. Л. Экспериментальное формирование внимания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 146 с. 2. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. — М.: Политиздат, 1977. — 304 с. 3. Непомнящая Э. А. Управление процессом формирования мотивов учебной деятельности. — Вестн. Харьк. ун-та, № 159. Иностр. языки, 1977, вып. 10, с. 66—70. 4. Щукина Г. И. Проблема познавательного интереса в педагогике. — М.: Педагогика, 1974. — 319 с. 5. Gardner R. C., Lambert E. W. Attitude and motivation in second language learning. — Rowley, Mass., 1972. — 374 p.

Поступила в редколлегию 27.10.78.

Э. А. НЕПОМНЯЩАЯ, канд. пед. наук

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

Дальнейшее совершенствование обучения и воспитания специалистов в значительной мере зависит от характера организации обучения. Формирование полноценной, подлинно коллективной учебной деятельности — важный резерв повышения эффективности системы образования.